

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

D-LC

18

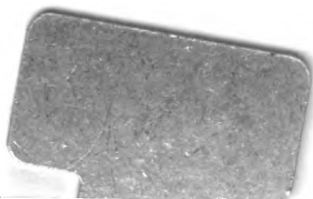
356

13

21

HARVARD COLLEGE LIBRARY

From the
WASYL KYJ FAMILY UKRAINICA BOOK FUND
established in 1978

Продается въ Кіевѣ, въ книжныхъ магазинахъ *Литова* и *Глюксберга*.

Цена за три части четыре рубля серебромъ.

Гг. Иногородные могутъ адресоваться на ния самаго издателя, по слѣдующему адресу:
Его Благородію Пантелеймону Александровичу Кульшу, въ Кіевѣ.

За пересылку предлагается одинъ рубль ассигн.

МИХАЙЛО ЧАРНЫШЕНКО

ИЛИ

ШАЛОРОССІЯ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Сочиненіе П. Кульша.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КІЕВЪ.

1843.

3745 104

М И Х А Й Л О
Ч А Р Н Ы Ш Е Н К О .

II.

WID-LC

PG

3948

. K856

M5

x

1843

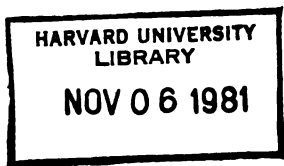
Lch. 2

✓

KULISH

" M. CHARNYSHENKO

2"

KYJ FAMILY BK. FD.

ИИХАЙЛО ЧАРНЫШЕНГО

ИЛИ

НАДОРОССІЯ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ

П. КУЛЪША.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КИЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ указанное число экземпляровъ. Кіевъ 1848 года, Сентября 21 дня.

Цензоръ, А. Федотовъ-Черный

Несть се, навбас, по Чорному морю опля встаніе,
А есть се—немо отцѣвська А матерѣвська молитва каре!

Отмыь бы то, навове, трѣба людей полагати,
Павотцѣ А павѣмѣтку добре шавоуѣти;
Во который человекъ той уроуѣле,
По ввѣтъ той счастье собу мае,
Смертєлнмъ мѣтъ того павѣе:

Отца А пѣтчина молитва зѣ для моря вышѣе,
Одъ гравѣтъ смертєлнмъ душу одуплѣе,
На волѣ А на морѣ на пѣмѣтъ поматѣ!

Изъ старинной народной думы.

МИХАЙЛО ЧАРНЫШЕНКО

ИЛИ

МАЛОРОССІЯ

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

ГЛАВА XII.

Въ тѣ времена, въ Малороссіи, сообщеніе между городами не было еще опредѣлено съ такою точностью, какъ нынѣ²⁴; всякъ ѣздилъ путями, какіе считалъ ближайшими. При всемъ томъ однакожъ, извѣстнѣйшая и болѣе другихъ пробитая дорога отъ

1

Воронѣжа до Гадяча лежала чрезъ Ярославецъ, Мутинъ, Ковотопъ, Стародубовку, Хмелевъ, Ромень и Липовую Долгину, на пространствѣ ста-восемьдесятисемь верстъ.

Полковой судья рѣшился ѣхать этимъ путемъ, въ твердой увѣренности, что Михайло не могъ выбрать другой дороги. Одно только заставило его пробыть нѣсколько минутъ въ нерѣшимости. Онъ вспомнилъ слова Потапа Карнаухова, который говорилъ, что горожане видѣли Михаила на *путивльскомъ* шляху. Но какъ онъ увѣренъ былъ несомнѣнно въ цѣли Михайловой дороги, которая, по всѣмъ его соображеніямъ, не могла лежать черезъ Путивль, то легко убѣдилъ себя, что Потапъ Карнаухій могъ ошибиться въ словѣ, будучи слишкомъ занятъ этимъ неожиданнымъ событіемъ.

Не смотря однакожъ на свою увѣренность, онъ сильно беспокоился и терялся въ недоумѣніяхъ, спрашивая про Михайла во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только можно

было предполагать его станціи, и не открывая ни малѣйшаго по немъ слѣда.

Правда, и трудно было бѣ какому-нибудь придорожному шинкарю или содержанию заѣзжаго двора помнить наружность молодого человѣка, тогда какъ всѣ большія дороги въ Малороссіи покрыты были молодыми авантюристами, которые шли и ѣхали въ Гадячъ и въ Петербургъ всѣми возможными способами, въ костюмахъ самой разнообразной формы, прочности и цѣнности, смотря по роду жизни, происхожденію и богатству каждаго.

«Всѣ дороги къ Петербургу наполнены были сими *голитинцами*», говоритъ въ своей лѣтописи архіепископъ Конискій. «Одѣтые изъ нихъ въ тонкое и шолоковое платье, то есть панчи, теки вмѣстѣ съ ободранными и полунагими молодцами и равнялись съ ними красными гарусными галстуками, надѣтыми наподобіе обрончи-ковъ на ихъ шен. Студенты и ученики кіевскихъ, черныговскихъ и перяславскихъ училищъ, канцеляристы и аускультанты

«глуховскихъ департаментовъ и всѣхъ полковыхъ и сотенныхъ канцелярій, а равно «судовые и магистратскіе приказные слушатели, оставивши бумаги свои и перья, «приняли на себя военные обрончки и «стянулись вслѣдъ за первыми вербаками. «Вербунокъ сн хотя въ Малороссіи были «обыкновенными и ими всегда комплектовано здѣсь четыре полка гусарскіе и столько же компанейскихъ, но нынѣшній вербунокъ ничему тому не уподоблялся, а «похожъ былъ нѣкоторымъ образомъ на «посполитое рушеніе, ибо всѣ почти молодые люди, оставивши дѣла свои и науки, «поднялись и, столпившись великими партиями, потянулись къ столицѣ, какъ бы «она войною и облежаніемъ угрожаема была».

Отличительною чертою этихъ партій была беззаботная веселость, которая такъ симпатизируетъ молодыхъ людей, когда они почувствуютъ себя на волѣ и когда ни одинъ сѣдыя брови не отравляютъ круговой чашн ихъ удовольствій.

Приставши, каждый посвоему вкусу и

состоянію, къ любой группѣ, они совершали свой дальній путь припѣвая, что въ ихъ положеніи было очень естественно, ибо каждый изъ нихъ шелъ подъ вліяніемъ надеждъ, которыя для юношескаго воображенія не имѣютъ предѣловъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что межъ ними было много подобныхъ нашему Михайлу, оставившихъ дома одинокихъ родителей въ тоскѣ и огорченіи. И какъ ни безчестенъ и неблагодаренъ подобный поступокъ, но если положить на вѣсы: что съ самыхъ древнихъ временъ козачества воспоис поприще, въ Малороссіи, было единственнымъ, на которомъ мужична являлся въ полномъ блескѣ своихъ достоинствъ; что еще въ люлькѣ онъ слышалъ пѣсни о набѣгахъ Орды, о битвахъ съ Ляхами, о смерти и славѣ; что, забавляя расплакавшееся дитя, чаровали его воображеніе рассказами о томъ, какъ онъ будетъ козаковать, какой у него будетъ конь, кака у него будетъ сабля, какъ славно будетъ онъ бить непріятелей; что лучшая участь, каковую только могъ представить идеально

юноша-Малороссіянинъ, была—сдѣлаться рыцаремъ, подобнымъ Морозенку, Золотарнику, Сѣрку, Палю; если сообразить, что все это составляло, такъ сказать, стихію, которою жилъ и дышали Малороссіяне въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, и положить на вѣсы съ дерзкимъ поступкомъ Михайла и ему подобныхъ, то показалась бы даже неестественною въ горячемъ юношѣ сила разсудка, которая могла бы преодолѣть столь сильныя наслѣдственныя понятія о назначеніи мужины. Прибавьте еще, что Михайло, какъ юноша, натурально испытывалъ то стремленіе облетать невѣдомый ему широкій міръ, которое съ такимъ томленіемъ обнаруживается у каждаго въ насъ въ первые годы нашей молодости; замѣйте, что онъ получилъ воспитаніе самое неправильное, воспитаніе, которое, невѣдомо ни для него, ни для отца, приготовило его именно къ такому поведенію; что вмѣстѣ съ безпокойнымъ характеромъ онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца и его духъ, романическій и мечтательный, ибо сотникъ Чарнышъ самъ поступилъ бы не иначе, будучи на мѣстѣ Михайла; подумайте, могъ

ли Михайло, разъ ощутивши свою неволю и залетѣвши воображеніемъ въ очаровательную сѣеру надеждъ, могъ ли онъ, безъ помощи вещественныхъ преградъ, спокойно возвратиться въ смрепную юдоль домашней жизни и пдти, какъ волъ въ ярмѣ? Примите во вниманіе все сказанное мною, и вы будете къ нему менѣе строги. Не вините въ неблагодарности ручнаго орленка, который, почувявъ силу своихъ крыльевъ и дохнувъ вышнимъ воздухомъ, вдругъ оставляетъ неизменное свое жилище, оставляетъ своего воспитателя и спѣшитъ присоединиться къ стаѣ своихъ братьевъ. Не вините и Михайла за его опрометчивый и неблагодарный поступокъ: онъ, не получивъ прочныхъ моральныхъ правилъ, которыя бы его образумили, повиновался влеченію природы и достоинъ больше жалости, чѣмъ оужденія.

Итакъ молодые люди, не смотря, можетъ-быть, на тайную тоску, сомнѣніе въ будущности и угрызеніе совѣсти, заглушали свои горести общею веселостію и совершали путь свой пригѣвая. Во многихъ

кружкѣхъ звучала часто и бандура или другой музыкальный инструментъ, и еслибъ судья не имѣлъ въ головѣ серьезнаго предпріятія, а въ сердцѣ тяжелой грусти, онъ могъ бы увидѣть и услышать на пути своемъ множество самыхъ забавныхъ вещей. Но какъ его воображенію постоянно представлялся образъ Михайла, то онъ смотрѣлъ на веселыя лица путешественниковъ съ одиновеннымъ только намѣреніемъ узнать знакомую и милую ему фзіономію.

Иногда даже онъ вмѣшивался въ ихъ кружки и, выбравши, кто казался ему поolidнѣе прочихъ, принимался спрашивать его о своемъ бѣглецѣ, описывая прпмѣты Михайла со всею точностію юриста. Но къ великой его досадѣ и тоскѣ, вмѣсто утѣшительнаго отвѣта, онъ часто слышалъ отъ разгульныхъ школьникоѵ обидные сарказмы, ибо эти вѣтренныя головы, вышедши разъ изъ послушанія своимъ *нальичамъ*, какъ называли они своихъ учителей и начальниковъ, и видя себя посреди множества подобныхъ сумасбродовъ, приобрѣли вдругъ какое-то буй-

ство, характеризовавшее всегда малороссійскихъ козакоѵ, и особенно Запорожцевъ, сходившихся на Сѣчь, большію частію разорвавъ какія-нибудь связи съ обществомъ.

Хотя эти «вербаки» и видѣли по осанкѣ и костюму полковаго судьи, что онъ принадлежитъ къ панамъ высшаго разряда, однакожъ это не уменьшало ихъ дерзости, тѣмъ болѣе, что многіе изъ ихъ, въ продолженіе дальней дороги, нуждаясь иногда въ пропитаніи и не имѣя денегъ, призывали дѣлать наглости мирнымъ обитателямъ, встрѣчавшимся имъ на пути, и забирать съѣстные припасы въ ихъ домахъ, какъ въ своихъ собственныхъ, за что, по словамъ архіепископа Конскаго, «прозираемы были отъ жителей до омерзѣнія».

—Ты, Шпакъ, что-то часто обшухиваешься съ этими бурлаками, говорилъ своему спутнику судья, съ досады на неудачные свои поиски:—Чего добраго! не думаешь ли и ты надѣть красный обрончикъ?

На эти подозрѣнія Шпакъ покачалъ го-

довою, помолчалъ немного и сказалъ:

— Колибъ я, пане, не носилъ за спиною пяти десятковъ годовъ, да еще когда бъ въ запычку не пицало у меня съ поддюжины дѣтей, а подъ бокомъ не было моей Параски, то можетъ-быть ты и не покрывилъ бы душою, считаючи меня такимъ гайдамакою.

— А мой Федотъ Побегайло развѣ не имѣлъ пары дѣтей, когда бросилъ мой домъ и бѣжалъ пезнать-куда, позычивши у меня шкатулку съ деньгами?

— Такъ того жъ окалннаго, пане, лукавый грошима искусилъ.

— А тебѣ чѣмъшаеть вѣтрусить дѣчиста мои карманы гдѣ-нибудь на ночлегѣ и исчезнуть самому, якъ мард?

— Эхъ, пане-пане! сказалъ Шпакъ, качавъ снова головою:— Охота жъ тебѣ взводить на меня такія небыллицы! Уже коли бъ хотѣлъ я твоихъ грѣшей, то чи не

лучше жъ бы мнѣ было, лѣтъ тридцать назадъ, зайти на Свѣчь, когда ты, бывало, посылаешь меня съ полнымъ гаманомъ червонцевъ въ Миргородъ до гетмана Апостола блаженной памяти? Тогда у меня не было ни жинки, ни дѣтей. А теперь бы то уже печистый понесъ меня слонаться по чужбинѣ, покинувши дома теплую пѣчь, добрую чарку горѣлки отъ твоей милости або изъ бѣлыхъ рукъ твоей панночки, и макѣтру варѣнниковъ каждый день на снѣданье отъ моей Параски?

Полковаго судью упрекнула совѣсть за его неоснованныя ни на чемъ подозрѣнія, хотя онъ выразилъ ихъ вовсе не по внутреннему сознанію.

Другіе разговоры судьи съ вѣрнымъ его служителемъ не могутъ занимать вниманія читателей, и потому мы ихъ пропустимъ, равно какъ и множество небольшихъ включеній, неходящихъ въ наше сказаніе.

Полковой судья имѣлъ много знакомыхъ пановъ по своему пути, но онъ старался

миновать всѣхъ ихъ какъ можно скрытнѣе, дорожа временемъ и спѣша скорѣе достигнуть Гадяча, гдѣ надѣялся непременно найти Михайла.

На третій день своего пути онъ увидѣлъ укрѣпленія этого города, который былъ когда-то резиденціею гетмана Бруховецкаго, варвара, родившагося подъ кровавою звѣздою для терзанія своей родины, а теперь (1762) состоялъ подъ начальствомъ Крыжановскаго, неуступавшаго ему въ жестости души и коварствѣ.

Но едва онъ вѣхалъ со своимъ слугою въ городъ и началъ обдумывать, съ какого конца начать свои поиски, какъ увидѣлъ, что къ нему приближается человекъ пять вооруженныхъ козаковъ, на челѣ которыхъ шелъ тощій старичокъ, очень примѣчательный по своей уродливой наружности.

Верхняя половина невзрачной его особы, начиная отъ поясницы, скривлена была на лѣвую сторону; и какъ онъ ни старался воспользоваться гибкостью своей шеи, чтобы,

наклоня голову направо, скрыть свою уродливость, но этимъ бесполезнымъ ухищреніемъ только дѣлалъ новый эпизакъ изъ своей сухопарой фигуры и увеличивалъ ее безобразіе, котораго не уменьшало также и то, что носки сапоговъ его какъ-будто сдружились и готовы были поцѣловаться, а каблукъ поссорились и разошлись врозь.

Хотя онъ, повидимому, былъ въ этой группѣ начальникомъ, однако не имѣлъ при себѣ ни сабли, ни другаго оружія, какъ-будто чувствовалъ, что всякое военное оружіе было бы слишкомъ благородно для его сухихъ дрожащихъ рукъ, способныхъ поражать противниковъ скорѣе тайнымъ ядомъ и чернильной ябедой, чѣмъ открытою силою. Все его вооруженіе состояло изъ черной палочки, которую онъ держалъ подъ локтемъ и на которой, вмѣсто набалдашника, изъ того же самаго дерева вырѣзана была какая-то головка съ рожкамъ.

—Что вамъ надобно отъ меня, добрые

люди? спросилъ полковой судья, когда они подошли къ нему ближе.

—Прошу васъ слѣдовать за мною, отвѣчалъ кривобокій старичокъ дребезжающимъ неприятно голосомъ, въ которомъ слышалось что-то болѣе козлиное, чѣмъ человеческое.

—А почему именно я долженъ за вами слѣдовать? хотѣлъ бы я знать.

—Собственныя ваши выгоды этого требуютъ, тихо сказалъ кривобокій, подойдя къ самому сѣду его:—Слѣзьте скорѣй съ коня и пойдите вмѣстѣ со мною.

Полковой судья, по добродушію своему, не подозрѣвалъ, чтобъ тутъ могли крыться какіе-нибудь злыя противъ него замыслы; притомъ же этотъ незнакомецъ, какъ на отвратительца была его наружность, говорилъ такимъ таинственнымъ и вкрадчивымъ голосомъ, что судья, невыпускавшій изъ головы ни на минуту думы о Михайлѣ, растолковалъ это себѣ въ хорошую сто-

рону, слѣзъ съ коня и пошелъ по слѣдамъ этого страшнаго существа, съ нетерпѣніемъ ожидая развязки непостижимой для него тайны.

Возница Шпакъ слѣдовалъ за своимъ паномъ, ведя въ поводу лошадей и разсуждая самъ съ собою въ полголоса.

—Какая встрѣча!... гемъ!... На что жъ эти козакъ? Можно судить, что вышло бы, еслибы панъ судья заупрямился. Да и отъ этой кривой щепки съ кошачьими глазами можно ждать столько жъ добра, сколько отъ болотнаго дѣдка. Ну, ничего. Посмотримъ, что изъ этого сброду за пиво будетъ. Говорила моя Параска, чтобъ я не засматривался слишкомъ на гаматѣвскихъ послушницъ; а вотъ тутъ, какъ видно, по-бываемъ мы не въ такомъ монастырѣ!

Между-тѣмъ они проходили улицу за улицей и наконецъ вступили въ старинный садъ, въ которомъ все пахло пустынею и отсутствіемъ трудолюбивыхъ рукъ. Вороны каркали уныло у нихъ надъ головою, до-

рожки заросли крапивою, деревья, срубленные топоромъ и сложенные бурею, валялись тамъ и сямъ въ безпорядкѣ.

Остановившись у большаго каменнаго зданія съ маленькими окнами, изрѣдка разбросанными безъ симметріи по стѣнѣ. На трехкратный стукъ толстая старуха съ широкимъ ртомъ, въ обрюзгомъ и нависломъ на глаза чепцѣ неопредѣленной формы, показала въ окнѣ, и черезъ минуту зашвы изгнули и дверь скрипя отворилась.

— Запереть покрѣпче задвижки! поставить сторожу! закрѣпить кривобокій, когда они вошли въ небольшую комнату со сводами.

Судья и его возница Шпакъ вздрогнули, ибо кромѣ этого непредвѣщающаго ничего добраго приказанія, въ самомъ голосѣ отвратительнаго старичка было что-то мертвещее душу.

Теперь только они увидѣли все безобразіе своего хозяина, или лучше сказать сво-

его тюремщика, ибо для нихъ уже стало ясно, что они попались подъ арестъ. Его глаза были совершенно стеклянные, но въ нихъ выражалось столько безстыдства, наглости и низости души, что никакой человекъ, съ чистымъ еще сердцемъ, не могъ бы долго сносить его взора и съ непреодолимымъ отвращеніемъ спѣшилъ бы отъ него удалиться. Этимъ гадкимъ глазамъ придавала еще больше злости сѣдые жидкія брови, которыхъ длинныя волоски были завиты какъ-то странно вверхъ. Прибавьте къ этому еще покрытую какими-то ненатуральными возвышенностями и впадинами лысину, прибавьте глубокой слѣдъ рапы на лбу (повидному, произшедшей отъ шипа конской подковы), — неприятое выраженіе снѣжъ губъ, изъ-за которыхъ, когда онъ открывалъ ротъ, выказывались гнилые пни зубовъ, покрытые вонючей желтизною, и пару ушей, изъ которыхъ одно, по какому-то чуду природы, было слишкомъ близко къ глазу, а другое удалалось къ затылку, — и вы будете имѣть понятіе объ этомъ

истинно примѣчательномъ, по своему безобразію, произведеніи природы.

У добраго человѣка, при встрѣчѣ съ злымъ, происходятъ совершенно тѣже самія внутреннія движенія, какія чувствуетъ собака при встрѣчѣ съ кошкою. Въ наше время частыя соотношенія людей между собою въ обществѣ и мащпнальное воспитаніе дѣтой не по чувствамъ сердца, а по долгу приличій, приучили насъ скрывать подъ лакомъ свѣтской вѣжливости то негодованіе, которымъ у свѣжаго еще человѣка закъпаетъ сердце, какъ только оно почуветь подлѣ себя протпвную его природѣ душу. Но встарину, когда патріархальный образъ жизни способствовалъ къ натуральному развитію души и образованію самобытныхъ характеровъ, чувство антипатіи обнаружпвалось гораздо чаще. Дошли до насъ преданія, что бывали случаи, когда храбрый и прямодушный козакъ, сошедшпсь гдѣ-нибудь случайно съ неизвѣстнымъ ему человѣкомъ, говорилъ ему прямо:—Я не люблю тебя: изъ твоихъ глазъ выглядываетъ чортъ. Удались отсюда, или мы

сдѣлаемся смертельными врагами!

Такъ точно, можетъ-быть, сказалъ бы въ другомъ мѣстѣ, но не здѣсь, и полковой судья этому мерзкому творенію, которое, къ крайнему моему неудовольствію, носило отчасти мое имя. Я такъ вѣренъ исторической точности, что не хочу и этого скрыть отъ читателей. Оно называлось *Иваномъ Паптелеймоновичемъ Г..Бовскимъ*.

Полковой судья, какъ человѣкъ канцелярскій, тотчасъ замѣтилъ, по нѣкоторымъ вещамъ и бумагамъ, разложеннымъ на столахъ, что этотъ отвратительный Г..Бовскій долженъ быть полковой писарь или что-нибудь подобное; и хотя онъ видѣлъ себя въ полной его власти, однакожъ видѣ этого человѣка внушалъ ему такое негодованіе и презрѣніе, что онъ, не смотря на природную незапосчивость своего характера, не могъ принудить себя говорить съ нимъ тономъ учтивымъ, котораго основаніе было *ем* и который тогда недавно еще вошелъ въ моду у пановъ Малоросійскихъ. Онъ, противъ своего обыкновен-

нія, адресовался къ нему такимъ грубымъ и презрительнымъ тономъ, какой онъ позволялъ себѣ только, когда судилъ какого-нибудь вора или разбойника.

— Скажи ты мнѣ, говорилъ онъ:— кто бы ты ни былъ, человекъ или дьяволъ, хотя, правду сказать, и дьяволъ не протѣялъ бы своей морды на твою гадкую харю: кто далъ тебѣ право запираеть меня подъ стражею въ эту тюрьму, которая одному только такому мерзкому творенію, какъ ты, можетъ быть прилична?

— Государь мой! отвѣчалъ Г..бовскій, нимало не обидясь его бранью, ибо низкія души тогда только обижаются, когда видятъ въ томъ надобность:— Государь мой, вы мнѣ кажетесь человѣкомъ подозрительнымъ.

— Въ чемъ же я кажусь тебѣ подозрительнымъ?

— Въ убійствѣ одного изъ старшинъ нашего нашего полка, Михайла Чарнышенка.

У полковаго судьи отъ этого извѣстія замерло сердце, однакожъ чувство досады такъ было въ немъ сильно, что онъ тотчасъ перемогъ себя и отвѣчалъ:

— Сумасшедшая голова! Я столько жъ мнѣю причинъ казаться тебѣ подозрительнымъ, сколько и ты мнѣ; но только я подозреваю тебя совѣмъ въ другомъ.

— А въ чемъ же именно?

— Просто въ глупости и помѣшательствѣ лысой твоей башки. Какъ же я могъ бы убить Михайла Чарнышенка, когда я нарочно пріѣхалъ сюда за тѣмъ, чтобъ спасти его отъ вашихъ сѣтей?

— Я этого не знаю, сказалъ Г..бовскій:— Мнѣ донесли, что тѣло его найдено мертвое подъ самымъ городомъ и что видѣли двухъ человѣкъ, скрывшихся на коняхъ въ лѣсу, какъ только показались люди. По описанію коней, платья и наружности, это должны быть вы. Я долженъ арестовать

вась до прїѣзду вельможнаго бригадира пана Крыжановскаго.

Полковой судья хотѣлъ было возражать, но въ эту минуту изъ другой комнаты выбѣжала та самая старуха, которая отперла нмъ двери, и, открывши страшный свой ротъ, закричала, какъ изъ бочки:

—Ахъ, ты *осѣлъ-осѣлъ*, Иване! Онъ тебя бранитъ, какъ собаку, а ты разговоришься съ нимъ, какъ съ добрымъ. Въ тюрму его вражьего сына! пусть тамъ бранится, сколько хочеть.

—Я не *осѣлъ*, матушка, возразилъ Г..бовскій:—я полковой писарь; я служу Богу и Государю двадцать-пять лѣтъ.

Не смотря однакожъ на это возраженіе, онъ такъ привыкъ слушаться своей матери, что тотъ же часъ, безъ дальнихъ расправъ, велѣлъ отвезти полковаго судью и его слугу въ особыя темницы, которыя были устроены тутъ же, въ подвалѣ, подъ жилищемъ Г..бовскаго и его достойной матушки.

Теперь прошу читателей представить себѣ положеніе несчастнаго судьи, убѣжденнаго въ погибели Михайла, оставившаго дома дочь въ неизвѣстности о его участи и попавшаго въ руки тайнаго злодѣя, для котораго и законы какъ-будто не существуютъ, который, не страшась наказанія, можетъ сдѣлать изъ него все, что захочеть!

А какъ мы имѣемъ самое неточное извѣстіе о смерти нашего героя, то оставимъ на время печальнаго судью, разлученнаго даже съ своимъ возницею, и посмотримъ, въ самомъ ли дѣлѣ Михайло нашъ погибъ; и если погибъ, то отъ кого и по какимъ причинамъ.

Напомню вамъ, что мы оставили его въ ту минуту, когда, пораженный страхомъ отцовскаго проклятiя, онъ свалился съ коня на землю.

пѣлъ два стиха изъ малороссійской баллады.

Вставай, козакъ, годѣ тобѣ спати,
Бо вже твоего коня давно невидѣти. . . .

ГЛАВА XIII.

Долго лежалъ Михайло нѣмъ и неподвиженъ, въ какомъ-то полуживомъ состоянiи. Ему казалось, что земля отдѣлилась отъ него и онъ остался въ пустомъ, темномъ, безграничномъ пространствѣ. Тяжелая, глубокая тоска томла его душу.

Вдругъ слышитъ онъ надъ собой, какъ бы сквозь сонъ, веселый говоръ, и въ слѣдъ за тѣмъ чей-то мужественный голосъ про-

Михайло приподнялся и видитъ двухъ всадниковъ, изъ которыхъ одинъ одѣтъ былъ въ обыкновенное платье гетманскихъ козаковъ, съ саблею при боку, съ длиннымъ ружьемъ за спиною, въ высокой овчинной съ краснымъ верхомъ шапкѣ; а другой смотрѣлъ прямымъ Запорожцемъ.

На немъ была свѣтлоснiя черкеска съ выѣтами, то есть съ откидными рукавами, изъ-подъ которой виднѣлась *аксамит-лая* * вишневаго цвѣту куртка, — красные *саѣтовыѣ* ** шаровары, *сапьяльщи-чоботы* *** и обложенная накрестъ позументомъ четырехсторонняя шапка — *кабардинка*, сшитая изъ мѣха выдры, которую Ногайскіе Татары называли кабардою. Впрочемъ, кабардинка такъ вошла въ моду у За-

* *Аксамитъ* — бархатъ.

** *Саѣта или саѣта* — тонкое англійское сукно яркаго цвѣту.

*** *Сапьяльщи-чоботы* — сапьяльные сапоги.

порожцевъ, что всякую шапку называли они кабардинкою. Оружіе его состояло изъ кривой турецкой сабли, висящей лезвиемъ вверхъ, и четырехъ пистолетовъ,—два въ кобурахъ, а два за поясомъ. На груди вокругъ него обвить былъ широкій чѣресть, или патронтантъ, наполненный въ два ряда патронами. Хотя Запорожцы обыкновенно не возили съ собою, ѣдучи верхомъ, ружей, а употребляли ихъ только, когда плавали въ своихъ чѣйкахъ по морю и дѣлали подѣ непріятельскими городами вылазки; однакожъ нашъ Запорожецъ имѣлъ сзади, между буркою и прочимъ припасомъ, увязаннымъ въ торокахъ, короткій карабинъ въ челяѣ.

Съ перваго взгляду въ немъ встрѣчались двѣ противоположности. Его щегольской праздничный нарядъ заставлялъ предполагать, что онъ ѣдетъ куда-нибудь недалеко въ гости; но его полное вооруженіе, въ которомъ недоставало только длиннаго *ра-мища* *, и плотно набитые всякою всячи-

* *Рамище*—пояс.

ной торока—явно показывали, что онъ не гулять пріѣхалъ на Гетманщину. Съ другой стороны, глядя на его веселое и безпечное лицо, можно бы подумать, что онъ въ жизнь свою ни о чемъ не заботился болѣе, какъ о доброй чаркѣ горѣлки да люлькѣ тютюцу²; но въ этихъ же самихъ чертахъ тонкій фizioномъветъ, по рѣзкой, особеннаго рода морщинѣ надъ правымъ глазомъ и по какой-то тайной искрѣ во взорѣ, могъ бы предположить, что у него, не смотря на наружную безпечность, есть такъ *спичка въ носу*, какъ говорили сами Запорожцы, разумѣя подѣ этимъ иносказаніемъ—скрытый замыселъ³. Впрочемъ, какъ Михайло не научился еще, посредствомъ опыта, угадывать душу по наружности, то эта особенность и не была имъ замѣчена. Ему прежде всего бросился въ глаза длинный оселедецъ Запорожца, завернутый молодецки за ухо, и черные усы, которые, будучи завиты, по обычаю сѣчевыхъ франтовъ, вверхъ, придавали круг-

² *Тютюно*—курительный табакъ.

лону, плотному его лицу выраженію самодовольной бойкости.

Запорожец пмѣлъ, повидному, лѣтъ сорокъ. Его товарищъ былъ гораздо моложе; и по его не совсѣмъ еще смуглому лицу, по бѣлому *ковильру* * сорочки, застегнутой красною *стѣнжкою* **, а еще болѣе по задумчивому и нѣсколько смутному взору, видно было, что онъ не привыкъ оставлять домашнюю кровлю для дальнихъ походовъ и что ласкающая рука женщины недавно его оставила.

—Ге-ге-ге, козаче! сказалъ Запорожецъ такимъ тономъ, какъ-будто давно уже зналъ Михайла:—да ты, видно, порядочно гулялъ въ эту ночь на вечерницахъ! свѣжая голова такъ не валется при дорогѣ! Попробовалъ бы ты, пане-брате, растянуться такъ на нашихъ сѣчовыхъ поляхъ! Не долго отдыхалъ бы: якъ-разъ проснулся бѣ на

* *Ковильру* или *ковильра*—воротникъ.

** *Стѣнжка*—лента.

аркаиѣ у Татарина! Аюу, вставай лишь, да поѣдемъ разомъ.

Веселый видъ Запорожца чудесно подѣйствовалъ на Михайла. Онъ тотчасъ всталъ и, скрывая отъ незнакомцевъ свою тоску, съ живостию вскочилъ на коня и поѣхалъ съ ними рядомъ. Запорожецъ показался ему человѣкомъ, который былъ уже въ водѣ и подъ водою, для котораго всѣ бѣдствія—трынь-трава; и онъ, подобно испуганному бурей животному, обрадовался, видя послѣ себя существо спящее и смѣлое.

—А съ далекихъ ли мѣстъ, землякъ? спросилъ Михайла спутникъ Запорожца.

—Эхъ и ты, козаче! отвѣчалъ за Михайла Запорожецъ:—На что намъ спрашивать, издалека ли? Это только мужики, блудчи на базаръ, распрашпваются, держа въ рукахъ рожки съ табакомъ, изъ якого села, да изъ якого хутора; а для козика всюды домъ, гдѣ только есть надъ головою небо, а подъ ногами земля. Лучше бѣ ты спросилъ, куда, а не откуда.

—Да нехай же буде и потвоему, отъ-
чалъ молодой козакъ:—вашего брата За-
порожца не переспоришь.

И, обратясь къ Михайлу, онъ задалъ ему
другой вопросъ:

—Куда Богъ несетъ, землякъ?

—Отъ тобѣ и вдравъ до галлѣкъвекъ*! вос-
кликнулъ Запорожець, смѣясь и снова ис-
давши Михайлу отвѣчать:—Куда Богъ не-
сетъ: ха-ха-ха!... Не даромъ, видно, бра-
тику, прозвали тебя Середою: прямая ты
середа! Такъ только спрашиваютъ кievскіе
богомолки. Куда Богъ несетъ! Хотѣлось
бы мнѣ видѣть такого молодца у насъ на
Сѣчѣ: тамъ бы тебѣ очи высмѣяли за ка-
ждое слово⁸⁷.

—О, да я знаю, що у васъ на Сѣчѣ не
въ великой модѣ поминать имя Божіе! Вы

* Народная пословица, употребляемая въ такомъ случаѣ,
когда кто не знаетъ что имъбудь скажетъ или сдѣлаетъ.

только и знаете, що гулять да выдумывать
баладрасы. Постой лишь, пане Щербиню,
вотъ я спою тебѣ про Запорожцевъ пѣсню.
Слушай:

Славими молодці пань Запорозці:
Побачили вони скирту хлѣба въ полѣ.
Отаманъ и каже: «Отб жѣ, братцѣ, церква!»
А осуауль каже: «И въ вси молися».
А кошовый каже: «А я сповѣдася».

Славими молодці пань Запорозці:
Побачили вони чѣсло на болотѣ.
Отаманъ и каже: «Ото жѣ, братцѣ, дзвон!»
А осуауль каже: «И зъ пѣю похѣвася».
А кошовый каже: «А я й похѣвася»⁸⁸.

—Э, бачъ, куды оно мѣтитъ! сказалъ За-
порожець, поправляя свой длинный чубъ:—
Се бѣ то—на догадъ бурлякъ дайте капу-
сты! то ость, сказать примерно, что За-
порожцы не умѣютъ ни молиться, ни же-
ниться? Однакожъ, братику, будь ты не-
только Середа, а хоть и Пятница, но всё-
таки брѣшешь! Когда бѣ ты побывалъ
хоть разъ въ нашемъ сѣчовомъ Покровѣ или
въ монастырѣ, то не повѣрилъ бы, что бѣ
Запорожцы называли церковью скирду хлѣба
въ полѣ. Развѣ въ одной святой Киевской

Лавръ ризы и утварь богаче нашихъ, да и то наврядъ *.

— Откуда жъ вы набрали такой утвари?

— Откуда набрали. То-то бо и есть, що вы сидите тутъ, якъ мокрые куры в думаете, что кромѣ вашей Гетманщины на-чего уже больше нѣтъ и на свѣтѣ! Вамъ сдается, что наша Свѣчь мало чѣмъ разнится отъ вашихъ свѣчковъ. Нѣтъ, постояте лишь, приятель; вотъ какъ я вамъ расскажу, такъ вы и носы повѣсите...

— А ну, ну, послушаемъ. Только смотри, пане Щербиню, щобъ часомъ не *подвез* ты намъ *Москаля* *.

— О, да видно вамъ Москаля дѣбре на-солнцѣ! Сколько уже я видѣлъ вашей братьи гетманцевъ, всё у васъ только и погово-рокъ, що: *Одъ Москаля, полѣ урвавши, стѣкди*;— *Зъ Москалемъ дружи, да камень*

* *Вамъ Москаля знати — лгати.*

и пазухю держи;— *Коли Москаль каже сухо, то піднимаєсь по уху*;— *Москаль не свій братъ*;— *Коли чортъ да Москаль що окрили, то поминай, якъ звали*; и всего не вспоминишь. У насъ на Запорожьи и духу московского не чутио; а коли якій гайдамака часомъ пристанеть до насъ изъ кацаппи, мы его заразы на свой ладъ перевернемъ: недѣль черезъ десятокъ чортъ на немъ и узнаеть московскую кожу. Запорожець, да и только!

— Ну, а что жъ ты расскажешь про свою церковь?

— Да не про одну церковь, голова ты разумная! То таки церковь Покрова сама по себѣ, а свѣчовый монастырь, на острову рѣчки Подиольной, самъ по себѣ *.

— Монастырь? вотъ диковника! У Запорожцевъ монастырь! Гдѣ жъ вы берете монаховъ для того монастыря?

— Отъ тобѣ и на! А ты думаешь, що Запорожець воюеть-воюеть, да такъ якъ

собака и пропадаетъ безъ покаянія?... Знай же, голова ты разумная, что у насъ, какъ только кому удастся дожить до такой старости, что уже нетолько самъ не сядетъ на коня и не замахаесть острою саблею, да и коряка съ горькою не удержитъ уже въ рукахъ не разливш, тотъ собираетъ все свое золото, идетъ въ монастырь, несетъ въ Божию церковь дорогіе оклады въ иконамъ, парчу на ризы, выливаетъ серебряныя и золотыя чаши и дѣлается чернецомъ. А часомъ и среднѣхъ лѣтъ козаки еще раньше отписываютъ свое имѣніе на церковь за упокой души, на случай печальной ихъ смерти, особенно идучи на войну и не надѣясь принести домой голову. Вотъ откуда беретъ у насъ утварь. А того уже и не говорю, сколько тамъ чашъ, ливанскаго дерева образовъ, перламутровыхъ наложь и разной утвари изъ Риму абѣ отъ цезаря нѣмецкого, а есть и отъ самаго Царя московскаго, что не разъ и въ мою бытность присылали на Сѣчь «за защиту христіанства»⁴¹. А что касается до другой половины твоей пѣсни, что Запорожець не умѣетъ различить женщины отъ цапли,

то далъ бы Богъ, чтобъ это была правда! А-то нѣтъ, козаче; *знаемъ* и нашъ братъ, *идь зимуютъ* раки. Сколько бравыхъ козаковъ покинуло Сѣчь черезъ эту товарину! Создалъ же Богъ искушеніе доброму чело-вѣку! Можетъ-быть, и я не волючился бы теперь по свѣту, примолавлъ онъ, понизилъ голосъ, и что-то похожее на грусть изобразилось при этихъ словахъ на чертвомъ лицѣ Запорожца.

Но его товарища этого не замѣтилъ. Михайло давно уже слушалъ его безъ внима-нія. Служа въ Глуховѣ, онъ имѣлъ не одинъ случай разговаривать съ гонцами запорожскими, и всѣ эти рассказы были для него не новостью. А козакъ Середа, оживленный на время веселымъ балагурствомъ Запорожца, снова задумался о своихъ домашнихъ.

Всѣ трое ѣхали молча. Наконецъ козакъ началъ напѣвать въ-полголоса пѣсню, въ которой для него, можетъ-быть, отзывался голосъ собственнаго сердца:

Вероний вбюю, грай ты подо мною
 Да * разбій тугу мою!
 Розбій, розбій тугу по темному лугу
 Козаків да молодю.

Ой аде козакъ да дорженъвою
 Сѣзоньками уминається:
 «Де-сь моя нѣмка», де-сь моя старѣнька
 Да за мною убивається!»

Ой згадай мѣсе, моя стара нѣсе,
 Свиданчи да обѣдати:
 Де-сь моя дитина на чужой сторонѣ,
 Да вѣному одвадати!

Ой згадай мѣсе, моя стара нѣсе,
 Якъ сидишь увѣчеръ вѣсти.
 Де-сь моя дитина на чужой сторонѣ,
 Да нема одъ вѣи вѣсти!

Запорожець, запятый своими думами, въ разсѣянности началъ за нимъ подтягивать; но эта пѣсня, сочиненная по мужчиною, имѣла такой пѣжный, плачущій напѣвъ, что его мужественный басъ никакъ не ладилъ съ тихимъ теноромъ козака.

* Частину де должно выговаривать — тл.

** Нѣмка, нѣма — мавсяка. Это слово никакъ не употребляетъ только въ пѣсняхъ.

—Э, и ты голова! сказагь онъ: —охота жь тебѣ пѣть такіа плаксивыя пѣсни!

—Не такъ бы ты заговорилъ, пане Щербино, отвѣчалъ козакъ:—когдабъ оставилъ дома старую, безпомощную мать да сироту сестру.

—Мать да сестру! воскликнулъ Запорожець:—Что намъ матери да сестры? Вотъ наша мать, сестра и все, что угодно!

При этомъ онъ брякнулъ своєю саблею.

—Бѣдная моя мать, говорилъ козакъ, забывши, повидямому, совсѣмъ о своихъ спутникахъ:—Сердце болитъ, когда подумаю, какъ ты тоскуешь!... Можетъ-быть, сырая земля засыплеть мнѣ очи на чужбинѣ... Но пѣть, неужели твое благословеніе и материнскія молитвы не защитятъ меня отъ смерти? А на что жь поютъ въ старосвѣтской пѣснѣ, что —

... который человекъ отца поважае,
 Позвѣтъ той счастье собѣ мае,
 Смертельный мочъ того минае:

Отцѣна ѣ мѣтцѣна молитва эбъ два збѣра амѣміе....?

При этих словах смертная блѣдность показала на лицѣ Михайла. Голова его готова была кружиться. Онъ едва удержался на конѣ своемъ.

Какую разительную противоположность имѣлъ съ нимъ этотъ козакъ! За него молятся мать и сестра; онъ выѣхалъ въ дорогу съ благословеніемъ родительскимъ; онъ вѣрнѣе несомнительно въ таинственную силу этого святаго благословенія; у него только и думы, что о своемъ семействѣ...

— А я? думалъ Михайло:— Чѣмъ вознагражу я то несчастіе, которымъ я неумышленно умножилъ горести своего отца? Развѣ этотъ пожаръ не есть уже признакъ кары Божіей? Какими отличіями, какими заслугами заставляю его забыть то огорченіе, которое растерзало его душу?... И неужели я, презрѣвъ благословеніемъ отцовскимъ, могу надѣяться, что Богъ благословитъ мое предпріятіе?

Глухой стоиъ вырвался изъ груди его.

Это обратило на него вниманіе обоихъ его спутниковъ.

— Ге-ге, козаче! сказалъ обыкновеннымъ своимъ тономъ Запорожецъ:— да ты, видно, черезъ силу перебралъ на вчерашней гулянкѣ! Жаль, что нѣтъ при мнѣ водки; я тотчасъ сдѣлалъ бы тебѣ лѣкарства. Но вотъ скоро доѣдемъ до шинка. Зарядъ пороку въ чарку, размытай хоронюнько, выпей, и все пройдетъ.

Козакъ Сорода былъ другаго мнѣнія на счетъ Михайла. По выраженію лица и глазъ, онъ тотчасъ отгадалъ, что у него болитъ душа, а не тѣло. Съ живымъ участіемъ подѣхалъ онъ къ нему и спрашивалъ причины его муки.

— Ахъ, братцы! сказалъ Михайло, взявши ихъ обоихъ за руки:— если бы вы знали, какой человекъ ѣдетъ межъ вами, вы, можетъ-быть, давно бы оставили меня и бѣжали, какъ отъ заразы.

— Что за диковника? сказалъ Запоро-

жесть:—Да хоть бы ты былъ самъ печестивѣй, то и тогда бы Мартинъ Щербина не побѣжалъ отъ тебя. Нашему брату Запорожцу не новость вѣдаться съ чортомъ.

Спутникъ Запорожца принялъ слова Михайловы серьезно и, оглядывая его съ ногъ до головы, спросилъ съ нѣкоторою робостью:

—Ну, кто же ты?

—О, я несчастливѣйшій человекъ въ свѣтѣ! Я про.....

Но тутъ Михайло остановился: ему страшно было вымолвить роковое слово. Онъ замѣнилъ его другимъ и едва могъ сказать:

—Я про... гнанъ отцомъ моимъ изъ дому, съ тѣмъ, чтобъ никогда и назадъ не возвращался.

—Хе-хе! велика бѣда! возразилъ Запорожецъ:—Это еслибы всѣ тосковали потво-
ему, то на Сѣчи, вмѣсто танцевъ да пѣ-

сень, козакъ принялся бы плакать, какъ бабы. Мало ли удавыхъ головъ бросаютъ отца и мать или молодую жену съ маленькими дѣтьми, чтобъ погарцовать въ чистомъ полѣ да погулять съ честнымъ товариществомъ?—Эхъ, козаче! прибавилъ онъ, потрепавъ Михайла по плечу:—*Вдарь лицомъ оиъ землю! Журбою * поля не перьдеши.* Найдешь еще двадцать батьковъ межъ козаками. Тотчасъ видно, что поничокъ еще на блѣдомъ свѣтѣ. Что значить для козака отецъ, мать и все семейство? Онъ поминуть объ нихъ только пока выйдеть въ чистое поле, а тамъ—прощай навѣки родина! Онъ вопсѣть, какъ птица въ поднебесьи. У него тогда *Сѣчь матери, а Великій Лугъ батько*; ему тогда самая близкая родня—добрый конь да острая сабля, да отвага и воля молодецкая!

И, какъ-бы въ подтвержденіе своихъ словъ текстомъ, онъ тутъ же затянулъ запорожскую пѣсню:

* Журба—тоска.

Кали треба пом'ягати, то ми знаємо, за що:
 Да й не маму, да й не тата, ні сестру, ні брата.

Ой у м'яє с коняка, да й таримй коняка;
 Ой який відць волошота, який розбихана!

Ой того-то я коняку поклахати буду:
 За ёго не влявць бы с'їбля хочь цїлую груду.

Ой ще на моїху бб'ць с шаб'ляка таря.
 Смигтай ёй, смигтай ёй, чинь нова не панна?

Ой п'яничко катя, п'яничко таб'їничо!
 Зь бусурмановць зустр'їв'їмсь да й об'дб'їчи ц'їлов'їмсь.

Какъ ни просты были запорожскія убъ-
 жденія Щербини, но они подѣйстви-
 вали на Михайла, тѣмъ болѣе, что онъ же-
 лалъ имъ вѣрять. Мысль, что не одинъ
 онъ находится въ такихъ обстоятельствахъ,
 что онъ не первый примѣръ непослушнаго
 сына, что цѣлое Запорожье наполнено без-
 домными молодцами, бросившими навсегда
 родину, эта мысль, поддерживаемая доб-
 рою цѣлью его предиріятя, утѣшила его
 немного; и вслѣдъ за тѣмъ прежнія на-
 дежды его одна за другою стали слетаться
 къ нему, какъ птицы изъ далюкихъ краевъ
 ю возвратѣ весны.

—*Богъ не безъ милости, а козакъ не безъ
 счастья*, думалъ онъ:— Неужели за первый
 проступокъ въ моеи жизни мнѣ суждено
 не имѣть ни въ чемъ успѣха, скитаться
 изъ края въ край и никогда не увидѣть
 родины? Чѣмъ же я заслужилъ такую
 страшную кару? Богъ милуетъ разбойни-
 ковъ, а неужели не пощадить того, кто
 съ добрымъ намѣреніемъ оказалъ сопро-
 тивленіе закоренѣлымъ предрасудкамъ от-
 ца?... Не знаю самъ, о чемъ тоскую.
 Пленно, я новчокъ на бѣломъ свѣтѣ, какъ
 говорятъ этотъ Запорожець. Можетъ-быть,
 мнѣ назначено превзойти въ славѣ всѣхъ
 моихъ предковъ; можетъ-быть, Воронѣжцы,
 которые теперь не впустили бы меня въ
 свой ковороть*, когдабъ я вздумалъ во-
 ротиться назадъ,—года черезъ два будутъ
 гордиться моимъ племемъ.

—Ну, куда жъ, землякъ, теперь ты дер-
 жившь путь? спросилъ Михайла козакъ Середа.

* Кбвороть или кблосоротъ—ворота въ селѣ со стороны
 поля.

—Эхъ, голова ты разумная! сказалъ Запорожецъ, который будто условился отвѣчать за Михайла:—Это можно знать и безъ вопроса. Извѣстно, куда собираются теперь удалые молодцы со всей Гетманщины. Вѣрно, и *его-моще*, какъ говорятъ Ляхи, хочетъ тоже перовѣдаться съ Голштинцами и ѣдетъ або прямо до столицы, або до Гадача. Правда?

—Правда, отвѣчалъ Михайло:—я ѣду до Гадача.

—Ну, вотъ и хорошо, сказалъ Запорожецъ:—Товарищъ мой тоже хочетъ повоевать съ заморскими людьми; будете вмѣстѣ держать дорогу.

—А тебя жъ, пане Щербіно, куда Богъ несетъ? спросилъ Михайло.

—*Богъ*, а можетъ-быть, и *чортъ*, отвѣчалъ Запорожецъ съ какой-то странною усмѣшкою, совершенно несвойственною его лицу:—Я ѣду, куда ѣдется. Пожалуй, и я готовъ провести васъ до Гадача. Тутъ гдѣ-

то на Гетманщинѣ есть мой великій пріятель. Слыхалъ я, что онъ сдѣлался знатымъ паномъ, но ни отъ кого не добьются, гдѣ онъ живетъ, и вотъ ѣзжу владѣ и испредѣ, щу во всѣхъ городахъ и селахъ и до сихъ поръ не отыскалъ еще.

—Какъ же его зовутъ? Если онъ точно сдѣлался знатымъ паномъ, то всё таки, кажется, можно бѣ добиться, хоть не скоро, гдѣ онъ живетъ: *языкъ до Києва доводитъ*.

—Въ томъ-то и дѣло, что у него двадцать именъ; и кто его знаетъ, которымъ онъ теперь называется? Прежде всё звали его паномъ *Харлома*.

—Чудно! На что жъ тебѣ онъ такъ вѣрно нуженъ? спросилъ Михайло, которому все это казалось очень загадочнымъ.

—Хочется мнѣ съ нимъ увидѣться, отвѣчалъ Запорожецъ:—Онъ уѣхалъ изъ нашей стороны неизвѣстно куда, такъ что я не успѣлъ съ нимъ и проститься, и только

черезъ пять лѣтъ уже прослышалъ, что опъ тутъ гдѣ-то на Гетманщинѣ.

—И ты для этого бросилъ даже Свѣтъ, чтобъ только съ нимъ проститься?

—Я не любилъ такъ ни отца, ни матери, ни роднаго дядяти, какъ люблю его. До самой смерти я не перестану искать его, не то на Гетманщинѣ, но хоть бы по всему свѣту, и умру только тогда спокойно, когда съ нимъ распрощаюсь!

Оба спутника Запорожна невольно взглянули межъ собою, какъ-бы спрашивая одинъ другаго взоромъ, что надо думать имъ объ этихъ странныхъ рѣчахъ, которыхъ они не могли согласить со своею логикой. А Запорожецъ, можетъ-быть, предвидя ихъ вопросы, поспѣшилъ прекратить разговоръ и сказалъ:

—А що жъ, панове молодцы, не пора ли намъ прогуляться въ чистомъ полѣ покосади, а-то еще кто подумасть, что мы

первыйи разъ отъ роду на коняхъ сплнмъ.

И всѣ трое, сказавъ стременамъ своихъ коней, помчались по полю быстрѣе вѣтра.

ГЛАВА XIV.

Михайло и молодой козакъ намѣрены были ѣхать въ Гадячъ обыкновенною ѣзжалою дорогою, по которой, какъ и уже сказалъ, отправился полковой судья; но Запорожець отсвѣтовалъ имъ, утѣряя, что знаетъ гораздо ближайшій путь.

—Эхъ, вы головы разумныя! прибавилъ онъ, видя, что козакъ не отстаютъ отъ своего намѣренія:—не успѣли выткнутъ шось

изъ за батьковскихъ воротъ, а уже хотите быть умнѣе стараго съчовикá. Пусть будетъ и по вашему: ступайте вы своимъ путемъ, а я своимъ. Посмотримъ, кто выиграстъ. А чтобъ вы послѣ на меня не нѣняли, я напередъ скажу вамъ, что по большимъ дорогамъ шатается теперь всякая сволочь. Сами знаете, сколько гольтянѣкъ, у которыхъ нѣтъ гроша въ карманѣ, тянется до Петербурга въ красныхъ ошейникахъ, и большая часть этого народу питается подаяннѣмъ, а полъ-часть и воровствомъ. Поѣзжайте, когда хочется, чтобъ васъ нигдѣ не пустили въ дворъ переночевать; и не ручаюсь, довезете ли вы до Гадяча свои торока. А я добре знаю, что, поѣхавши лѣвымъ путемъ, ни разъ не буду имѣть вечера безъ варениковъ, и никто не украдетъ у меня даже тютюну на люльку. Прощайте, панове-молодцы! не поминайте недобрымъ словомъ.

Сказавъ и поскакавъ отъ нихъ въ сторону.

Но Михайло и его товарищъ ни сколько

не намѣрены были отставать отъ Запорожца. Они только хотѣли преклонить его на свое мнѣніе, а видя его рѣшительное упорство, опять соединились съ нимъ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ скорой ѣзды, они достигли рѣки Клевѣны, которая составляетъ естественную границу между нынѣшними Курской и Черниговской губерніями и соединяется съ рѣкою Сеймомъ на самомъ концѣ рубежа между Глуховскимъ и Кролевецкимъ уѣздами.

Здѣсь они остановились подъ тѣною осокоровъ, тянувшихся по правому берегу Сейма, и пустилъ коней своихъ на лугъ, покрытый густою травою и мѣлкими кустами верболозу.

Запорожецъ поставилъ своихъ спутниковъ въ такое къ себѣ отношеніе, что игралъ межъ ними роль атамана. Онъ сперва велѣлъ имъ развести огонь, потомъ Михайлу поручилъ варить въ мѣдномъ казанкѣ кашу, или, говоря по-казацки, *хульши* ⁴², а его товарищу—жарить застрѣленныхъ дорогой

длинныхъ утокъ; самъ же, разлегшись у очага на буркѣ, закурилъ люльку и наблюдалъ за ихъ работою, дѣлая имъ при случаѣ нужныя наставленія и ссылаясь на авторитетъ своихъ сѣчевыхъ кашеваровъ.

Михайло охотно повиновался его распоряженіямъ. Сидя, подобно донъ Кихоту, принимавшему посвященіе въ рыцари отъ трактирщика, видѣлъ въ этомъ уже начало своего военного бивачнаго поприща, и варить кашу подъ чистымъ небомъ, на широкомъ лугу, при крикѣ часовъ и фырканьи насухшихся лошадей, казалось ему гораздо почетнѣе и во сто разъ пріятнѣе, чѣмъ сидѣть въ нынѣшней Коллегіи, подъ тяжелыми сводами, при мертвомъ свѣтѣ дня, проходящемъ сквозь синія стекла глубокихъ ея оконъ.

Веселый Запорожецъ своими непрерывными шутками и разсказами не давалъ его тоскѣ всплывать на поверхность изъ глубины души. Михайло снова былъ радостенъ, снова оживилъ его надежды, и только иногда унылыя вѣсели казака Сероды, которые

тотъ, въ промежуткахъ разговоровъ, затаивалъ въ своемъ обычномъ раздумьи, — трогали въ его сердце какую-то тайную струну. Тогда Михайло скорѣе обращался съ какою-нибудь вопросомъ къ Запорожцу, Запорожецъ слова пускался въ безконечное свое балагурство, и грустный козакъ замолкалъ, прислушиваясь къ ихъ бесѣдѣ, въ которой тоже находилъ успокоеніе своей тоски.

Нынѣшняя Курская губернія втиснулась между Черниговской, Полтавской и Харьковской только узкимъ неправильнымъ клиномъ, имѣющимъ форму сапога и составляющимъ Путивльскій уѣздъ. Вдоль этого клина протекаетъ въ разнообразныхъ изгибахъ рѣка Сеймъ, развѣтвляясь на множество большихъ и малыхъ рукавовъ, которые, дробясь еще на меньшія струи, опутываютъ водными нитями весь правый берегъ и составляютъ почти непрерывную гряду разной величины острововъ.

Путники наши, слѣдуя по направленію Сейма, часто переезжали черезъ воду въ

бродъ, чтобъ мпновать его пзавлпыи, и когда поднимались на высоты лѣваго берега, зеленые острова, разбросанные на противоположной сторонѣ въ живописномъ безпорядкѣ и покрытые разнообразными группами рощицъ, между которыми изрѣдка бѣлѣли уединенные хутора, — представляли ландшафтъ прелестнѣйшій.

Если Запорожецъ до сихъ поръ доставлялъ Михайлу и его товарищу пріятность своимъ сообществомъ, то теперь онъ сдѣлался для нихъ необходимымъ проводникомъ; ибо край, чѣмъ дальше, становился пустыннѣе, и дорожки, переплетаясь одна съ другою во всѣхъ направленіяхъ, представляли подобіе раскинутой сѣтки, по которой они, безъ его помощи, бродили бы какъ въ лабиринтѣ. Но Запорожецъ, привыкшій къ подобнымъ поѣздкамъ на степяхъ дѣтговскихъ, будто истинникомъ чулъ прямой слѣдъ и волю своихъ спутниковъ съ увѣренностію туземнаго жителя ⁴⁵. Особенно дивился Михайло его опытности при переправахъ черезъ воду. Онъ съ удивительною вѣрностію угадывалъ, по тече-

нию воды, по растеніямъ и положенію береговъ, удобнѣйшій бродъ, и ни одинъ разъ его выборъ мѣста для переправы не былъ неудаченъ.

Къ вечеру козакъ оставилъ рѣку Сѣимъ влѣвъ и еще передъ закатомъ солнца достигли рубежа нынѣшней Харьковской губерніи, которая въ то время называлась *Украиною*, въ отнѣну отъ *Гетманщины* и *Запорожья*.

Пространство, занимаемое нынѣ этой губерніей, начало заселяться только въ половинѣ семнадцатаго вѣка " выходцами изъ пограничной съ Польшею Украины, которая была тогда театромъ отчаянныхъ войнъ Хмельницкаго и позорищемъ самой варварской мести Поляковъ надъ народомъ Малороссійскимъ.

Московскій Царь позволилъ этимъ выходцамъ селиться на пустынныхъ своихъ степяхъ, тѣмъ охотнѣе, что они могли защищать границу его царства отъ Татаръ, которымъ эти дикія степи служили широкимъ

путемъ для набѣговъ на Московію и которыхъ мало удерживала даже сторожевая цѣпь кургановъ, протянутая еще съ давнихъ временъ отъ рѣки Ворсклы до устья Дона (ибо стоявшія въ укрѣпленныхъ городахъ московскія рати, пзвѣщаемыя этими пограничными *сторожами* объ опасности, обыкновенно двигались медленно на отраженіе Татаръ и приходили въ помощь пограничью уже на обратные слѣды летучихъ ихъ отрядовъ). А чтобъ привлечь туда и другихъ поселенцевъ, онъ предоставилъ имъ полную свободу и независимость въ гражданскомъ управленіи, такъ что они не знали другой власти, кромѣ своихъ старшинъ и полковниковъ, избираемыхъ, по древнему обыкновению, изъ среды себя, и не имѣли почти никакого отношенія ни къ царскимъ воеводамъ, ни къ гетману Малороссійскому.

За восемьдесятъ лѣтъ до насъ этотъ край представлялъ еще картинныя дикой природы, мало измѣнившейся подъ владычествомъ человека. Узкія, едва пробитыя дороги тянулись черезъ густые лѣса, черезъ луга,

никогда неслыханнiю звука косы, и часто черезъ поля, нетронутыя отъ вѣка плугомъ земледѣльца, покрытыя высокою травою, степнымъ бурьяномъ и цѣлыми рошцами дикихъ вишенъ и терну. Отдѣльныхъ хуторовъ было мало, и обработанныя земли лежали только вокругъ селенiй, которыя по большей части окружены были редутами и рвами.

Съ перваго взгляду замѣтно еще было въ этой сторонѣ то опасенiе печалинскихъ набѣговъ, въ которомъ держали ее Крымцы и Погайцы до половины восемнадцатаго вѣка. Впрочемъ это должно разумѣть больше о южной части Украины, ибо въ верхней части ея, лежащей по правую сторону Сѣвернаго Донца, въ описываемую мною эпоху давно уже не слыхать было о Татаряхъ, и память объ нихъ сохранилась только въ преданiяхъ молвы народной да въ полуразрушившихся редутахъ и крѣпостяхъ, которыя стали ненужны тамошнимъ обывателямъ со времени основанiя Украинской Двiни, то есть съ тысяча-семьсотъ-сорокъ-втораго года ⁴⁴.

Козаки наши ѣхали быстрою рысью до самихъ сумерекъ. Уже кони ихъ начали подбиваться, и Михайло въ каждомъ встрѣчномъ селѣ и хуторѣ предлагалъ Запорожцу остановиться. Но Запорожецъ всякой разъ отвѣчалъ, что чувствуетъ носомъ невдалекѣ лакомый ужинъ съ наливами и варенухою и что имъ остается еще проѣхать не болѣе двухъ верстъ.

Между-тѣмъ началъ повѣвать холодный вѣтеръ, небо мало-помалу покрывалось туманами, и скоро сдѣлалось такъ темно, что они съ трудомъ видѣли одинъ другаго. Спутники Запорожца начали изъяслять безпокойство, боясь заблудиться въ этихъ пустынныхъ поляхъ и попасть куда-нибудь въ байракъ или въ болото. Но онъ смѣлся надъ ихъ страхомъ и совѣтовалъ имъ воротиться въ село, которое они только что оставили за собою. Однакожъ молодые козаки, не смотря на свои опасенiя, рѣшились лучше продолжать невѣрную дорогу съ удалымъ Запорожцемъ, чѣмъ за одинъ ранний почлегъ разстаться съ нимъ, можетъ-быть, навсегда.

—Эхъ, вы головы разумныя! сказали пѣ обыкновеннымъ своимъ тономъ Запорожецъ:—вамъ бы только кошокъ гонять за пещкою! Но велика, кажется, мудрость слушаться умнаго человека, но вы и того не умѣете. Уже по даромъ мой вороной такъ претя впередъ: онъ чуетъ для себя доброе стойло; а когда угостятъ коня, то человекъ безъ вечера не будетъ. Не унывайте, хлопѣта: если мы сегодня ляжемъ спать безъ варениковъ, мой вороной не стѣнетъ копѣйки, и я любому изъ васъ отдамъ его за люльку тютюну.

Ободривъ такимъ образомъ своихъ товарищей, онъ присвиснулъ на своего коня и помчался быстрымъ галопомъ.

Черезъ четверть часа они увидѣли вдали нѣсколько огоньковъ, сверкавшихъ прямою линіею на темномъ горизонтѣ. Михайло и козакъ Середа привѣтствовали это явленіе радостными восклицаніями; даже ихъ кони оживились и подняли шею, почувявъ близость ночлега. Но Запорожецъ и его конь сохранили прежнее свое спокойствіе.

Мѣсяцъ какъ-будто ожидалъ только. пока козакъ не будетъ въ немъ нуждаться, чтобъ вдругъ явиться въ полномъ блескѣ. Въ одно мгновеніе, какъ послѣ пробужденія отъ сна, открылось передъ нимъ обширное поле, усыпанное высокими насыпями и перерѣтое частыми изгибами узкой рѣчки, которая, мѣстами блестя какъ сталь, отдѣлялась рѣзко отъ мутной зелени береговъ, мѣстами была темнѣе самой травы и вилась по ней какъ черный подсъ. За рѣчкою бѣгло на возвышеніи село, на краю котораго панскій домъ свѣтился пятью окнами.

—Вишь, лысый дѣдусъ! сказалъ Запорожецъ, когда мѣсяцъ высунулъ изъ-за тучи свою круглую голову:—теперь ты и показался, когда мы уже и безъ твоей ласки наткнулись на вареники; а тогда тебя и не принесло, какъ наши молодцы наслу въ сѣдлѣ держались отъ страху!

—Однакожь, пане Щербіно, отвѣчалъ Михайло, когда они начали приближаться къ рѣчкѣ:—но для однихъ насъ пригодилась лысына стараго мѣсяца: смотри, мо-

стикъ цѣль только до половинны, и безъ этого «лысаго дѣдуся» ты какъ разъ попался бы тутъ со своимъ воронымъ.

—Эхъ, голова ты разумная! отвѣчалъ Запорожецъ:—да еслибъ мой вороной далъ тутъ промаху, такъ я однимъ ударомъ сабляки послалъ бы его сатанѣ на вечерю!

И, принявъ на своемъ сѣдлѣ положеніе летящаго коршуна, онъ гикнулъ дикимъ, пронзительнымъ голосомъ и, прежде чѣмъ эхо разнесло по полю его гикъ, былъ уже на другомъ берегу.

Оба спутника его оторопѣли отъ изумленія. Мостъ былъ довольно высокъ, и обломокъ его отстоялъ отъ берега болѣе, чѣмъ на двѣ сажени. Это пространство утыскано было тонкими полусогнутыми сваями и, еслибы прыжокъ не удался, погибель Запорожца была бы ужасна!

—А что жъ вы стали? кричалъ онъ съ той стороны:—Эй, вы! головы вы разумныя! что стали? махай за мною!

—Нѣтъ, пано Щербино, отвѣчалъ Михайло:—махай уже ты самъ, когда у тебя есть про запасъ другая голова; а намъ скажи лучше, можно ли тутъ переѣхать въ бродъ?

—Можно. Сидло рушай, говоритъ Запорожецъ:—тутъ курцы по колѣни не будутъ.

И точно, рѣчка въ томъ мѣствѣ была такъ неглубока, что козаки переѣхали, не замочивъ даже ногъ.

Мѣсяцъ снова зашелъ въ тучу, но плавалъ еще сквозь нее столько свѣту, что путники, приближаясь къ дому, могли рассмотреть въ полумракѣ его позицію. Домъ этотъ стоялъ на возвышеніи, посреди широкаго подворья, или вѣрнѣе сказать—площади, пронизанной отъ воротъ до крыльца въ два ряда низенькими строеніями и обведенной ровомъ и валомъ, на которомъ мѣстами виднѣлись остатки частоколу и деревянныхъ застѣковъ. Вѣтеръ колыхалъ на валу высокіи бурьяны, спускавшіеся во глубину рва, на днѣ котораго журчалъ потокъ, то

стикъ цѣль только до половины, и безъ этого «лысаго дѣдуся» ты какъ разъ попался бы тутъ со своимъ воронымъ.

—Эхъ, голова ты разумная! отвѣчалъ Запорожецъ:—да еслибъ мой вороной далъ тутъ прѣмаху, такъ я однимъ ударомъ шаблюки послалъ бы его сатанѣ на вечерю!

И, принявъ на своемъ сѣдлѣ положеніе летящаго коршуна, онъ гикнулъ двикомъ, пронзительнымъ голосомъ и, прежде чѣмъ это разнесло по полю его гикъ, былъ уже на другомъ берегу.

Оба спутника его оторопѣли отъ изумленія. Мостъ былъ довольно высокъ, и обломокъ его отстоялъ отъ берега болѣе, чѣмъ на двѣ сажени. Это пространство утыскаю было тонкими полусогнутыми сваями и, еслибы прыжокъ не удался, погибель Запорожца была бы ужасна!

—А что жъ вы стали? кричалъ онъ съ той стороны:—Эй, вы! головы вы разумныя! что стали? махай за мною!

—Нѣтъ, пане Щербино, отвѣчалъ Михайло:—махай уже ты самъ, когда у тебя есть про запасъ другая голова; а намъ скажи лучше, можно ли тутъ переѣхать въ бродъ?

—Можно. Смѣло рушай, говорилъ Запорожецъ:—тутъ курица по колѣни не будеть.

И точно, рѣчка въ томъ мѣстѣ была такъ неглубока, что казаки переѣхали, не замочивъ даже ногъ.

Мѣсяцъ снова зашелъ въ тучу, но взлывалъ еще сквозь нее столько свѣту, что путники, приближаясь къ дому, могли рассмотреть въ полумракѣ его позицію. Домъ этотъ стоялъ на возвышеніи, посреди широкаго подворья, или вѣрнѣе сказать—площади, пронизанной отъ воротъ до крыльца въ два ряда низенькими строеніями и обведенной ровомъ и валомъ, на которомъ мѣстами видѣлись остатки частоколу и деревянныхъ застѣковъ. Вѣтеръ колыхалъ на валу высокій бурьянъ, спускавшійся во глубину рва, на днѣ котораго журчалъ потокъ, то

умолкая при полетѣ вѣтру, то снова отзываясь изъ глубины, когда шумъ и свѣтъ его уносился далѣе.

Козаки, по обѣ стороны Запорожца, смѣло взѣхали на дворъ, сквозь массивную и чрезвычайно низкую арку воротъ, черную, косматую, которой кривичи, осыпаясь съ каждымъ годомъ, образовали у ея подошвы покатицыя насыпи, поросшія травой и какъ-бы ползущія безпрестанно вверхъ, чтобъ погребсти наконецъ въ землѣ гнетущую ее руну.

Въ это самое время на рундукъ дома показался свѣтъ, и путники увидѣли издали нѣсколько человѣкъ, выходящихъ изъ дому при свѣтѣ фонаря.

Запорожецъ далъ знакъ своимъ товарищамъ, чтобъ они молчали, и остановился посреди двора, внимательно разсматривая эту группу.

Свѣтъ фонаря, разливая яркое освѣщеніе на ближайшіе предметы, усиливалъ

окружающую ихъ темноту, и отъ того группа людей, явившаяся на рундукъ, котораго столбы и потолокъ были освѣщены, представлялась козакамъ какъ-бы висящею въ огромномъ фонарѣ на воздухѣ, по которому во всѣ стороны простерлись отдѣльные, широкіе, мутные лучи и переломились слабымъ мерцаніемъ на боковыхъ строеніяхъ двора.

Читатель, можетъ-быть, ждетъ тутъ чего-нибудь таинственнаго; но эта сцена кончилась черезъ минуту самой простой развязкою. Хозяинъ, старый панъ съ сѣдыми усами и чуприною, въ длинномъ коричневомъ кафтанѣ, съ низко подпоясаннымъ широкимъ поясомъ, провожалъ двухъ гостей въ красныхъ жупанахъ и въ какой-то особенной формы шапкахъ съ перомъ, которыхъ они, къ немалому удивленію козаковъ, не снимали даже и тогда, когда брали изъ рукъ хозяина послѣдній кубокъ *на дорогу*. Остальные лица этой группы были—два челоѣка, державшіе передъ гостями на большихъ деревянныхъ тарелкахъ закуски, да еще мальчикъ съ фонаремъ и два чело-

вѣка на ступенькахъ рундука, державшіе за поводья оседлаанныхъ лошадей.

Распрошавшись съ хозяиномъ, гости слѣп на коней и скрылись въ темнотѣ. Но хозяинъ всё еще стоялъ на рундукѣ и прислушивался къ топоту ихъ лошадей. Вдругъ, при поворотѣ фонаря, онъ замѣтилъ на дворѣ трехъ нашихъ всадниковъ и сказалъ радостнымъ голосомъ:

— Слава Тебѣ, Господи! вотъ еще гости!

Михайло и козакъ Середа, обрадованные такимъ радушнымъ восклицаніемъ, тронулись было съ мѣста; но Щербина остановилъ ихъ и сказалъ:

— Постоите, разумныя головы; *не пхайтесь напередъ батька съ пекло*. По всему видно, что нашъ хозяинъ долженъ быть изъ старинныхъ пановъ и, вѣрно, знаетъ запорожскіе обычаи. Надо привѣтаться съ нимъ посвоему; за это онъ поднесетъ намъ лишній *мидлокъ* * наливки.

* Такъ называется повинка, которую пьютъ водку.

И, не трогаясь съ мѣста, онъ закричалъ:

— *Піу! піу! піу!* (Это у Запорожцевъ значило:—Здравствуй! какъ поживаешь?)

— Что за диковинка? сказалъ хозяинъ:— да это сѣчовіе! чего лучше!

И, припомнивъ условный языкъ Запорожцевъ, который они употребляли, чтобы отличать «своихъ» отъ «Гетманцевъ», онъ закричалъ ему въ отвѣтъ вопросительнымъ тономъ:

— *Піу, піу?* (То есть:—Что вы за люди и откуда?)

А Запорожецъ отвѣчалъ ему въ рѣму:

— *Козаки зъ Піу* **.

— *Посѣщайте тамъ, де и наши*, сказалъ хозяинъ (То есть:—Привяжите своихъ лошадей возлѣ нашихъ, на конюшнѣ):— *а самихъ просимъ до хаты*.

Разговаривая такимъ образомъ съ хозяиномъ, Запорожець не замѣтилъ, что два незнакомца въ красныхъ жупанахъ и въ пернатыхъ шапкахъ, проѣхавъ къ воротамъ, снова воротились и остановились позади ихъ, въ нѣкоторомъ разстояніи. Одинъ только Михайло обратилъ на это вниманіе, и между тѣмъ какъ Щербина игралъ съ хозяиномъ въ лагонизмы, а козакъ Сореда двинулся отъ всей души ихъ разговору, онъ услышалъ позади себя нѣсколько словъ, которыя заставили его сильно задуматься.

— Это они, говорилъ первый голосъ.

— Такъ, они. Теперь, братъ, мы смѣло считай у себя въ карманѣ по сто дукатовъ.

— Не лучше ли намъ остаться ночевать у пана Бардака? Равно онъ такъ насъ упрощивалъ, говорилъ опять первый голосъ.

— Нѣтъ, братъ, отвѣчалъ ему другой:— ворочаться неловко. Статься можетъ, что они видѣли уже которую-нибудь изъ на-

шихъ сторожъ и могутъ постеречься.

Михайло, можетъ-быть, услышалъ бы еще и больше, но Запорожець кончилъ уже оригинальное свое объясненіе съ паномъ Бардакомъ и двинулся къ рундуку. Михайло долженъ былъ слѣдовать за нимъ.

Тутъ хозяйскіе слуги взяли ихъ лошадей, а панъ Бардакъ, сдѣлавши имъ установленныя обычаемъ привѣтствія, повелъ ихъ за собой въ свѣтлицу.

ГЛАВА XV.

Вошедши за хозяиномъ въ свѣтлицу, казаки увидѣли на столѣ слѣды только-что конченнаго ужина и нѣсколько кувшиновъ и кружекъ, стоящихъ въ безпорядкѣ по-межъ стеклянныхъ и серебряныхъ чарокъ, кѣшекъ и коряковъ.

Запорожець помоллся иконамъ, поклонился хозяину и сказалъ:

— *Отдаме, товариство, ваши головы* ⁴⁷.
(Это значило:—Поручася свои головы святости гостепріимнаго крова.)

Хозяинъ, перецѣловавшись сперва съ каждымъ изъ нихъ, тоже кланялся и отвчалъ:

— *Ваши головы, ваши головы.* (То есть:—А мы отдаемъ свои головы въ ваше распоряженіе.) Просимъ, панове молодцы, садиться.

Между-тѣмъ онъ окинулъ внимательнымъ взглядомъ своихъ гостей и заключилъ, что Михайло долженъ быть межъ ними господиномъ. Его богатое вооруженіе, его ровный и роскошный ростъ, вольная поступь, а больше всего—благородная красота лица, показывали явно, что онъ взросъ не въ нуждѣ и принадлежитъ къ панскимъ дѣтямъ. Хотя жъ Запорожець своею бойкостью и свободнымъ обращеніемъ, а также щегольствомъ наряда и оружія, могъ бы, казалось, поколебать это заключеніе; но у малороссійской знати было тогда въ обы-

чаѣ держать при себѣ разодѣтыхъ какъ кукла Запорожцевъ, которые исправляли при нихъ вмѣстѣ должность адъютанта и шута. А потому онъ, со всею вѣжливостію взявши Михайла подъ руку, просилъ его занять почетнѣйшее мѣсто за столомъ подъ образами. Но Михайло отказался отъ этой чести и сказалъ, что старшій межъ ними — панъ Щербина.

Съ своей стороны гости разсматривали хозяина, стараясь по наружнымъ примѣтамъ опредѣлить степень его важности и установить для себя манеру обращенія съ нимъ.

Почтенныя сѣдныи пана Бардака, его важныи, хоть и веселыи, видъ и звонкіи голоса, въ ласковомъ тонѣ котораго отзывалось что-то повелительное, внушили молодымъ козакамъ невольное уваженіе и заставили ихъ держаться стариннаго правила, по которому молодые люди, сидя съ отцами и дѣдами за однимъ столомъ, должны были хранить ненарушимаго молчанія и слушать, что говорить старшіе, — хотя и безъ того

козакъ Серода, всё грустившій о своей сестрѣ и матери, а Михайло, озадаченный подслушанною имъ рѣчью незнакомцевъ, расположены были болѣе молчать, чѣмъ говорить.

Что же касается до Запорожца, онъ нисколько не раздѣлялъ почтительнаго ихъ чувства и ничуть не перемѣнилъ своей обычной фамильярности съ кѣмъ бы то ни было, какъ человекъ, который такъ много имѣлъ дѣлъ съ людьми, что для него всякій человекъ былъ какъ-будто уже знакомъ. Сидя на покутѣ, онъ вынулъ изъ кармана свою деревянную ложку и сказалъ хозяину:

— Прошу жъ пана добродѣя, *якѣ бѣндзѣ ласка паньська*, какъ говорятъ Ляхи: — не гнѣваться, что я не буду ѣсть хозяйскаго ложкою, бо у насъ на Запорожьѣ такой обычай. Всякій козакъ повиненъ имѣть свою ложку. Иногда бываетъ, помянуть съ какою-нибудь повѣсткою по змовникамъ, то не разъ случится застать козаковъ за обѣдомъ. Ну, извѣстно, скажешь имъ какъ слѣдуетъ: *Хліба да солѣ*. А уже Запо-

рожцы не обойдутся без шутки. Съ разу не посадят за столъ, какъ панъ добродѣи насъ ⁴⁹. Сидятъ собѣ какъ святые, и не смотрятъ на тебя, только знаи галушки лыгають; а одинъ кто-нибудь на твоо *злабѣ да сѣль* скажетъ: *Блмѣ да свѣи, а ты у порога постѣи*. Вотъ тутъ уже не плошай, а то заразъ назовутъ блухомъ ⁵⁰. Скорѣи ложку изъ кпшени ⁵¹ (бо нашому брату съчовку не пристало, якъ табунщики, носить ее въ кожаномъ ложечникѣ около пояса),—ложку зъ кпшени да до стола: Э, нѣ, братци, давайте и мнѣ мѣсто! То уже какъ увидятъ, что козакъ бывалый, такъ заразъ тебѣ мпхалокъ горѣлки въ руки да и садятъ подлѣ отѣмана.

—Вотъ какъ у васъ! говорилъ хозяинъ съ невольною усмѣшкою, пбо шаружиость Запорожца имѣла особенное свойство поселать въ его собесѣдникахъ веселое расположение духа и внушала непреодолимую охоту смѣяться.

⁴⁹ *Блуха или блуха*—безмысленный человекъ.

⁵¹ *Кпшени*—карнакъ.

—Я всегда любилъ Запорожцевъ, продолжалъ онъ:—на нихъ еще только и опирается вся наша вольность; а не будь Запорожья, не будетъ и Украины. Славный народъ. Умѣетъ хорошо рубиться, а еще лучше пить, а еще лучше шутить. У меня даже есть цѣлая книжка объ ихъ обычаяхъ и разныхъ фортеляхъ. Она досталась мнѣ отъ покойнаго моего тестя, который самъ былъ въ Сѣчѣ курѣннымъ отѣманомъ, а потомъ воротился на отцовскую землю. Начинается она такъ: «Обычай запорожскіе чудны, поступки хитры, рѣчи и вымыслы остры и большею частію на критику похожи» ⁵².

—Такъ, такъ, сказалъ Запорожецъ:—Только уже, пане добродѣю, не долго остается намъ забавлять Божіи міръ своимъ шутками «Убрали уже насъ въ мѣшокъ» Москали дѣбре своимъ лицомъ, крѣпостями да сербскими ротами; «осталось имъ еще придумать, какъ занять этотъ мѣшокъ» ⁵³. Но что жъ ты будешь дѣлать, когда такая, видно, воля Божія! Не даромъ у насъ ведется издавна пророчество, что будетъ

когда-то на Москвѣ «Царина бѣлая», которая распугаетъ Запорожцевъ, какъ дпнхъ чаекъ, по всему свѣту!

— Кажется, что на то похоже, отвѣчалъ панъ Бардакъ, задумчиво потупя голову:— кажется, что на то похоже. Но оставимъ это: *що буде, то буде; а буде те, що Богъ дастъ*. Такъ говорилъ батько козацкій Богданъ Хмельницкій, и врагъ меня побери, когда на свѣтъ было что-нибудь умнѣе этого сказано! Что жъ, любезныю мою гостю? скажите мнѣ теперь, куда васъ Богъ несетъ, коли ласка ваша, бо у меня часомъ бывають и такіе, что бѣлы точать, а чтѣ они за люди, отъ нихъ и въ пять дней не добьешься. Вотъ, напримеръ, эти красныя жушаны, которые только что передъ нашимъ прїѣздомъ выѣхали. Можетъ-быть, вы ихъ даже встрѣтили.

— Да, мы ихъ видѣли, сказалъ Михайло:— что жъ это за народъ такой?

— А Богъ ихъ знаетъ. Вотъ, какъ видите: прїѣхали, наѣлись, напились, поѣхали;

а спросите, что за гости у меня были, я и самъ вамъ не скажу. У нихъ и платье не понашему, и выговоръ словъ какой-то странный, и всѣ ухватки ихъ совсѣмъ не наши. Одно только знаю, что они крестятся похристіянски. Но хрѣтъ имъ! что они для насъ за важныя особы? Вы мнѣ скажите лучше о себѣ, дорогіе гости, что вы за люди?

— Люди какъ люди, отвѣчалъ Запорожець:— съ руками, съ ногами, съ головою; а куда ѣдемъ, это другое дѣло. Можетъ-быть, панъ добродѣй слышалъ, какая суматоха поднялась топоръ на Гетманщинѣ. Всѣ прутся до столицы, якъ грѣшныя души до пекла *. Вотъ и моя молодцы ѣдутъ въ Гадячъ, чтобъ пристать тамъ до вербунки.

— Въ Гадячъ! сказалъ панъ Бардакъ:— Плохо жъ, панове, вы начали свое дѣло: видно, вы не помолились сперва Богу и не поблагословились у отца-матери.

* Покло-данъ.

—А что жъ такое этотъ Гадячъ? спросилъ разомъ Михайло и козакъ Середа.

—Да не Гадячъ, козаки, не Гадячъ, а тотъ, кто въ Гадячѣ, — Крыжановскій проклятый! Наши слобожане хорошо уже знаютъ, что это за человекъ. Всѣ добрые люди бѣгутъ отъ него, какъ отъ Антихриста, и не дай, Боже, никому связаться съ нимъ: пропадетъ и тѣломъ и душою. Пока не было этого окаяннаго проидісѣвѣта въ Гадячѣ, все межъ нашими паннами было спокойно. Развѣ только разъ въ годъ услышавши, бывало, что гдѣ-нибудь пострѣлялось за кусокъ поля, да тутъ же и запылють свою ссору. А теперь, особенно тамъ дальше за Ахтыркою, ни одного панскаго двора вы не найдете безъ валовъ и засѣковъ; и тѣ самія пушки, которыми наши отцы отгоняли Татарву, теперь паны ставятъ одинъ противъ другаго. Я самъ даже думаю поправить частоколь и поднять на колеса дѣдовскіе чугуныя пистолеты, которые заснулы уже, врывшійся въ землю. Чего добраго! найдетса, можетъ-быть, и на меня какая бестія. Проклятый анти-

христъ спидитъ какъ паукъ въ своемъ Гадячѣ и опутываетъ сѣтymi всѣ наши слободы. Его шпіоны такъ и шныряютъ по всѣмъ закоулкамъ, какъ демоны на искушеніе рода человѣческаго. Мы знаемъ, чего онъ добивается; но не удастся и самому дѣдкѣ пекельному...

—Откуда жъ онъ взялся? спросилъ Запорожець:—Вѣдь онъ, какъ ты, пане отімане, сказалъ, не изъ здѣшнихъ сторонъ?

—Нечистый его знаетъ, откуда принесло его на Гетманщину! Этого вамъ не скажетъ навѣрно ни одинъ человекъ. Одни говорятъ, что онъ Жидъ; а другіе, что онъ Черногорець. Есть и такіе, что называютъ его прямо такъ невѣрнымъ Турчиномъ. Но можно знать, кто говоритъ правду. Но то уже вѣрно, что онъ знаетса съ лукавымъ. Богатства его неизчислимы; онъ успѣваетъ во всемъ, что бы ни затѣялъ, и говорятъ, будто умѣетъ дѣлать такіа чарованья, что при всемъ его безобразіи, никакая женщина не можетъ ему противиться. Только наведетъ свои грѣшныя очи на

красавицу, то уже и его...

Михайло невольно вспомнил тут Катерину. Запорожец нахмурился и проворчал:

—Что за чортъ?...!

—Но приспесь ему сатана! продолжал хозяинъ:—такого великаго грѣшника не годилось бы и вспоминать за святымъ хлѣбомъ.

—Хлюпы! закричалъ онъ, оборотаясь къ своимъ слугамъ:—а что жъ вы, бѣсовы дѣти, заснули тамъ у порога? Давайге еще что-нибудь! Да сказать кѣхарию, чтобъ поспѣшилъ съ варениками!

—Выбачайте *, милые гости, сказалъ онъ потомъ, перемѣняя вдругъ грозный голосъ феодала на ласковый тонъ гостеприимнаго Украйнца:—выбачайте, что застали на голодную вечерю. Когдабъ вы пріѣхали

* Выбачайте — извините.

двумя часами раньше, вы не пожаловались бы на скупость пана Бардаки; да и кубокъ наливки пріятнѣе было бъ вамъ взять изъ бѣлыхъ рукъ моихъ панночекъ, которыя теперь уже спать, чѣмъ отъ меня старика. А?—Особенно тебѣ, козаче, приподвѣвъ онъ оборотаясь къ Михайлу, котораго цвѣтущая красота, повидимому, плѣнила стараго пана (ибо замѣчено, что родители красавицъ въ особенности любятъ выбирать для нихъ и жениховъ красивыхъ, какъ-будто имъ жаль свою прелестную картинку вставить въ старую или поуклюжую раму):—А можетъ-быть, и твоему сосѣду такъ же? продолжалъ панъ Бардакъ:—хоть по его глазамъ я и вижу, что онъ оставилъ дома коханку. А о тебѣ, мой бравый рыцарь, я уже и не говорю: для Запорожца люлька тютюну больше значитъ, чѣмъ всякая красавица:

Мѣтъ зъ жѣлкого не возитъся.

А тютюна да люлька козаку въ дорожъ знадобитъся.

Такъ, пане Щербино?

Не извѣстно, что отвѣчалъ бы Запоро-

жегъ, еслибъ въ это самое время два хлопца не поставили на столъ, на деревянной тарелкѣ, огромной щуки, которая на эту пору, при хорошемъ его аппетитѣ, показала ему самымъ достойнымъ предметомъ для вниманія и размышленія.

— Не во гнѣвъ тебѣ, пане отамане, будь сказано, говорилъ онъ, обращаясь къ хозяину:— твои хлопцы настоящие блухи: не умѣютъ даже какъ слѣдуетъ поставить рыбы на столъ. Ты бы отправилъ ихъ хоть на одинъ годъ въ нашу Сѣчь поучиться добрымъ обычаямъ.

— А какъ же надо бы поставить ее повашему, посѣчевому?

— У насъ, шановнии мѣсци пане добродзю, какъ говорятъ Ляхи, дѣлается все съ толкомъ, отъ великихъ вещей и до малыхъ. Какъ только наступитъ часъ обѣду, кухари чашиваютъ всякую страву * въ деревянные

* Стравя — кушанье.

вагані * и ставятъ ихъ на сѣрно, то есть, повашему сказать бы просто—на столъ **; а рыбу ставятъ на стѣбло, а повашему—на подставкахъ, выше ваганѣвъ, чтобъ она по всѣмъ столамъ была на виду, и притомъ такъ, что каждая рыбка, хоть бы то была самая мѣлая плотка, должна лежать головою противъ того мѣста, гдѣ сидитъ отаманъ **.

Тутъ онъ повернулъ лежавшую передъ нимъ щуку головою къ папу Бардаку.

— Да, сказалъ панъ Бардакъ:— это у васъ обычай похвальный. Смотрите жъ вы, блухи, какъ справедливо назвалъ васъ панъ Щербина, чтобъ вы всегда ставили рыбу и всю прочее—головою къ отаману. Ну, скажите жъ вы мнѣ, панѣве голитицы, издадека ли вы ѣдете? .

— Я ѣду изъ Глухова, отвѣчалъ Михайло.

* Вагані — Большая деревянная чаша.

** На сѣрно — значило собственно на столъ, покрытомъ скатертью.

—Бывалъ я когда-то въ Глуховѣ, говорилъ панъ Бардакъ:—У меня тамъ есть старинный мой сослуживецъ и кумъ, полковый судья Животовскій. Славный чело-вѣкъ! Богъ знаетъ, каково ему теперь живетъ, а когда-то, въ старые годы, мы съ нимъ да съ его погойною Ганною Ивановною, да еще, когда знаете, съ Яковомъ Ивановичемъ Коробкою, полковымъ асауломъ, добре скакали черезъ огонь чеберячки ²³. Бывало, соберется къ нему или къ Якову Ивановичу Коробкѣ гостей полная свѣтлица,—шумъ, смѣхъ, музыка, пѣсни... Нѣтъ, братцы, теперь уже такъ не воссятся: на все, видно, есть своя пора. Ты жъ, козаче, пѣзь самага таки Глухова ѣдешь, или нѣтъ?

—Я оттого сказалъ—ѣду изъ Глухова, что тамъ служилъ я въ Коллеги ²⁴; а отецъ мой, сотникъ Чарнышъ, живетъ подалеко отъ Глухова, въ Воронѣжѣ.

—Чарнышъ. Это не тѣхъ ли Чарнышей, которые такъ славно воевали въ *Шведчику* и изъ которыхъ потомъ одинъ, генераль-

ный судья Иванъ Чарнышъ, былъ товарищемъ несчастнаго нашего Полуботка?

—Да; дѣдъ мой былъ родной братъ Ивана Чарныша, отвѣчалъ Михайло.

—О, такъ я считаю за честь имѣть своимъ гостемъ двоюроднаго внука одного изъ послѣднихъ нашихъ страдальцевъ, которыхъ имена будутъ вѣкъ священны для Малороссіи!

При этомъ глаза его оживились какимъ-то особеннымъ чувствомъ. Онъ обнялъ Михайла съ горячностью и сказалъ:

—Старайся жъ, братику, и ты достойно поддержать славу своего рода. Фамилія Чарнышей всегда была одною изъ самыхъ благородныхъ и усердныхъ для отчизны фамилій въ Малороссіи.—Ну, а ты, козаче? обратился онъ къ Сердѣ.

—Что меня спрашивать? отвѣчалъ Серода:—Я бѣдный козакъ изъ-подъ Нѣжина. Мать моя за послѣдніе грѣшни справила

миѣ коня, какъ та вдова своему Ивасю Коновченку, что поютъ въ пѣснѣ.

—А, Коновченко, Коновченко!... Ты, братику, припомнилъ миѣ славную пѣсню, да жаль, что мой бандуристъ нездоровъ, а-то было бъ чего послушать хоть бы и вашему пану съчевому.—Ну, смотри жъ, козаче, воюй и ты такъ храбро, какъ вдовиченко Коновченко.—Теперь, пане Щербино, скажи миѣ ты, куда ты ѣдешь такъ далеко отъ своей славной Сѣчи?

—Бду я въ гости къ одному своему старпному пріятелю. Не знаю, будетъ ли онъ миѣ радъ или нѣтъ, только миѣ крѣпко хочется съ нимъ увидѣться.

—Гдѣ жъ твой пріятель живетъ?

—Я и самъ еще не знаю этого.

—Какъ же ты ѣдешь, не зная самъ, куда?

—Что объ этомъ толковать? сказалъ Щер-

бина:—Обычаи запорожскіе чудны, поступки хитры,—ты жъ самъ недавно говорилъ. Еслибъ я началъ тебѣ, пане отімане, все рассказывать, то не стало бъ на это и цѣлой ночи; а уже и такъ пора дать тебѣ покой, да и намъ отдохнуть съ дороги. Можетъ-быть, скоро доведется намъ еще увидѣться, тогда будетъ иное дѣло; а теперь—*не жались, да Богу молись.*

Еще нѣсколько времени продолжалась веселая бесѣда, перемѣжаемая частыми кубками. Наконецъ всѣ разошлись спать по настоящему требованію Запорожца, который, хотя, казалось, былъ бессмысленно пьянъ, однакожъ, къ удивленію Михайла, до послѣдней минуты помнилъ, что имъ надо завтра выѣхать въ дорогу рано, и давалъ хозяйскимъ хлопцамъ самыя точныя наставленія, какъ надо кормить и поить лошадей, не забывая впрочемъ и тутъ ссылаться на обычай съчевые, которые онъ считалъ совершенствомъ человѣческой мудрости.

Панъ Бардакъ хотѣлъ было положить гостей своихъ въ свѣтлицѣ, но Щербина съ

негодоваіемъ отвергнулъ это предложеніе, унижающее его воинственное мужество, и настоялъ, чтобъ ему постлали постель подъ открытымъ небомъ, посреди двора.

Михайло и козакъ Серода, боясь заслужить у Запорожца худое о себѣ мнѣніе, тоже не согласился спать въ свѣтлицѣ, хотя это было бы для нихъ гораздо пріятнѣе почлега на холодномъ воздухѣ, подъ дыханіемъ порывистаго вѣтра.

Запорожецъ сквозь сонъ часто размахивалъ руками, скрежеталъ зубами, клался и произносилъ кому-то угрозы. Видно было, что душа его неспокойна и въ ней кроются какіе-то кровавые замыслы.

Сонъ козака Сероды былъ крѣпокъ и тихъ. Его души еще не возмущали бурныя страсти. Любовь къ своему семейству, надежда и легкое уныніе были главнѣйшими его чувствами. Ему снилось, что онъ уже возвращается съ походу впереди отряда командуемыхъ имъ козаконъ, везеть богатую добычу—сребро, золото и дорогія сѣна.

Уже онъ приближается къ своей бѣлой, съ высокою трубою, хатѣ, потопленной въ зелени густаго вишневаго саду, подъ которымъ тихо плыветъ сочная рѣчка. Вотъ выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу малая сестра въ вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ, въ бѣлой, съ вышитыми заплочью рукавами, сорочкѣ. За нею торопливымъ, но невѣрнымъ, шагомъ поспѣшаетъ его старушка-мать. Она, всплеснувши въ восхищеніи руками, не можетъ вымолвить слова: радость захватила ей дыханіе, та радость матери, которой никакія слова не могутъ выразить. Онъ велитъ своимъ козакамъ играть въ трубы, онъ соскакиваетъ съ коня, обнимаетъ мать и милую сестру. Слезы, отрывистыя восклицанія, молитвы!

Совсѣмъ другіе были сны Михайла. Въ его душѣ мрачно; ему все угрожаетъ; сонныя видѣнія его мутны и несвязны. То грезится ему, будто онъ окруженъ однимъ множествомъ людей: за нимъ гонятся, его преслѣдуютъ; онъ чувствуетъ въ душѣ своей какое-то ужасное злодѣяніе. То какая-то неизвѣстная ему женщина необычайной кра-

соты вѣдѣть его надъ страшными пропа-
 стями по узенькому мостику. Тутъ же чей-
 то голосъ говорить ему: «Видно ты не
 помолился Богу, начная свое дѣло, и не
 поблагословился у отца-матери». Тутъ же
 полковой судья спитъ печальный и гово-
 рить свое: *Не сотвори злая за блага.*
 Ключникъ Семсѣ повторяетъ ему отцов-
 ское проклятіе; а Катерина лежитъ без-
 чувствена въ кровп. Наконецъ являются
 Крыжановскій съ двумя знакомцами въ
 красныхъ жупанахъ. Все прежнее исче-
 заетъ. Михайло стоитъ на высокомъ утѣсѣ;
 подъ ногами у него бездна. Огъ съ ужа-
 сокъ слышитъ изъ бездны голосъ своего
 отца: «Рука Господня постигнетъ тебя,
 сынъ неблагодарный!» Невыносимое от-
 чаніе терзаетъ его душу; какая-то невѣ-
 дная сила влечетъ его въ глубину, откуда
 слышитъ голосъ его отца. Онъ умоляетъ
 Крыжановскаго взять его подъ свое покров-
 ительство. Но Крыжановскій засмѣялся и
 велѣлъ столкнуть его въ пропасть. Съ оска-
 ленными зубами, съ лютымъ крикомъ бро-
 слись на него красные жупаны. Онъ вскри-
 кнулъ и проснулся.

ГЛАВА XVI.

Запорожецъ былъ уже на ногахъ и бу-
 дилъ своихъ товарищій, называя ихъ, по
 своему обыкновенію, разумными головами.

Востокъ едва только начиналъ еще заго-
 раться. Небо было чисто, вѣтеръ утихнулъ,
 и наступающее утро обѣщало нашимъ пу-
 тешественикамъ прекрасный день.

—Выводите, братцы, коней, да поѣдемъ,

сказалъ Щербина.

И между-тѣмъ какъ его спутники сѣдали ему в себѣ коней, онъ растолкалъ спавшаго въ конюшнѣ хлопца и послалъ его къ пану Бардаку съ извѣстіемъ, что козакн ѣдутъ и благодарятъ ему за хлѣбъ-соль.

Черезъ минуту панъ Бардакъ, съ заспанными глазами, явился на рундукѣ въ нагольномъ тулупѣ, которые старосвѣтскіе наши паны обыкновенно употребляли вмѣсто халата.

—Бойтесъ Бога! кричалъ онъ гостямъ своимъ, видя, что они сидятъ уже на коняхъ:—Что это вы дѣласте? Вы должны еще сегодня у меня обѣдать. И за обѣдомъ вы услышите, каково мой бандуристъ играетъ и поетъ про Коновчѣнка!

—Ой нѣтъ, пане отѣмане! отвѣчалъ Запорожець:—не таковы наши дѣла, чтобъ гулять по цѣлымъ днямъ на бенкетахъ. Благодаримъ за хлѣбъ, за соль и за угощеніе; а про Коновчѣнка мы в самъ за-

поемъ, коли захочемъ. Жаль только, что не удобно возить бандуру въ дорогѣ.

—Такъ прошу жъ хоть на одинъ часъ до хаты. Какъ же можно не выпить на дорогу?

—Эге, козаче! отвѣчалъ Запорожець:—видно, ты рѣдко читаешь книжку своего теста. У насъ на Сѣчи выбили бѣ того добре кіями, кто вздумалъ бы, выступая въ походъ, посоветоваться съ михалкомъ. Нѣчего сказать, твой наливки и варенуха годились бы на бенкетъ хоть и самому кошовому, но спрятай ихъ для добрыхъ людей, а намъ пора уже честь знать.

—Что за дьявольщина! воскликнулъ панъ Бардакъ съ досадою, и его добродушное лицо вдругъ перемѣнило свои спокойныя черты: брови насупились, на лбу показались глубокія морщины, и жаркая краска покрыла его щеки:—Что за дьявольщина! За кого жъ мы меня принимаете? Что я, шипкарь для васъ какой, что ли? Развѣ не видите вы этихъ пистолетовъ? (Онъ

указалъ на пушки „, валявшіяся въ разныхъ мѣстахъ по двору и на валахъ.) Они теперь спятъ, но было время, когда мой дѣдъ и отецъ гремятъ на Татари и защищали тысячи своихъ подданныхъ. Не забываете, съ кѣмъ имѣете дѣло.—Хлопцы!

На этотъ зовъ въ одну минуту явилось множество плечистыхъ и дюжихъ слугъ, которые, вѣроятно, еще прежде призыва оставили постели, заслыша крикъ своего пана.

—Запереть ворота и не пускать этихъ господъ. —Теперь, любезные гости, обратился онъ снова къ нашимъ путникамъ, перемѣня вдругъ грозный свой тонъ на ласковый, хотя суровая краска, несошедшая еще съ его щекъ, совершенно противорѣчила его словамъ: —теперь просимъ васъ покорно до покою. Закусимъ, что Богъ послалъ, поглядимъ хорошенько дорогу „ и разстанемся добрыми пріятелями.

—Онъ нѣтъ, голова ты разумная! сказалъ Щербина:—не водится у Запорож-

цевъ, чтобъ ихъ кормили на привязи, какъ собакъ. Прикажи, коли хочешь, своимъ олухамъ отпереть ворота; а не то,—они долго не забудутъ, изъ чего сдѣлана моя пагайка.

—Э-э, пріятель! вскрикнулъ деспотъ-хозяинъ, вспыхнувши снова:—много ты ѣздилъ по свѣту, да мало, видно, встрѣчалъ добрыхъ людей, которые бѣ тебя проучили. Еще ни одинъ гость не выѣзжалъ изъ двора Пана Бардака безъ кубка на дорогу, ни отъ меня, ни отъ моего отца, ни отъ моего дѣда; и если ты затѣялъ, для запорожской шутки, опозорить мое имя, то это удастся тебѣ развѣ съ помощью саташи.

—Госъ, хлопцы! закричалъ онъ, возвысивъ голосъ такъ, что стѣны задрожали:—беряте, сабли, бордыши, булавы и покажите мнѣ, что ваши руки привыкли управлять не однимъ плугомъ! А между-тѣмъ дайте мнѣ дѣдовскую саблю. Пусть этотъ бойкій Запорожецъ узнаетъ, сколько въ ней фунтовъ.

—Я готовъ! сказалъ безстрашный Запо-

рожецъ, обнаживъ чистую, какъ зеркало, полосу своей турецкой сабли:—я готовъ чокнуться съ вами во славу Сѣчи и ее мудрыхъ обычаевъ.

Онъ утвердился на сѣдлѣ и спокойно ждалъ, пока вооружится вся челядь мало-россійскаго барона. Его вороной, почувявъ звонъ оружія и грозныя крики, поднялъ уши, вадугъ ноздри; ноги его принимали безпрестанно новыя положенія, обнаруживавшія закипѣвшій въ немъ боевой жаръ, и черныя очи наполнялись огнемъ.

—А нуто, паны-братцы! говорилъ между — тѣмъ Щербина своимъ товарищамъ:—пока еще доводится вамъ гонять Голштицзевъ, покажите передо мною, что вы козаки, а не бабы.

—Гей! стройся въ лаву! сабли наголо! закричалъ онъ, какъ-бы команду значительнымъ отрядомъ Запорожцевъ.

И власть его надъ умами молодыхъ козаковъ была такова, что они не размышля-

ли уже своимъ умомъ, слѣдили только за его движеніями, какъ-будто онъ обладалъ талисманомъ, готовымъ защитить ихъ противъ цѣлаго свѣта. По его командѣ, они выхватили сабли и готовы были къ битвѣ.

Не извѣстно, чѣмъ бы кончилось это странное угощеніе, еслибъ хлопцы скорѣе привесли пану Бардаку его дѣдовскую саблю. Но медленность ихъ заставила его самаго отправиться искать ея, оставя гостей окруженными цѣлою толпою слугъ, вооруженныхъ оружіемъ разныхъ сортовъ, разныхъ вѣковъ и разныхъ народовъ; и когда онъ появился снова на рундукъ, размахивая своею саблею, Щербина уже одумался. Онъ опустилъ саблю и сказалъ самъ себѣ тихо:

—Дурная и твоя голова, пане Мартыне! гонишься за лиспцею, а стрѣляешь зайца!

—Пане отамане! закричалъ онъ къ хозяину:—полно! угамуйся, не роби колоту. Божусь тебѣ, чѣмъ хочешь, что не трусость заставила меня уступать тебѣ; ей Богу,

не трусость! Это подтвердить тебѣ не то цѣлое Запорожье со своимъ кошовымъ, Ясневельможнымъ паномъ Калишчиенкомъ, да и сама Татарва съ Турками. Не таковы мои дѣла, чтобъ забавляться съчею. Я уступаю, но и ты жъ не торгуйся. Не принуждай меня напиваться допьяна на дороге, а-то мнѣ стыдно послѣ будетъ назваться рыцаремъ славнаго войска Запорожскаго. А чтобъ сдѣлать честь твоему дому, я готовъ выпить на дорогу одинокорякъ доброй наливки, но одинокъ, не болѣе.

—Добро, сказалъ панъ Бардакъ:—добро, козаче. По домамъ, хлопцы! отпереть ворота! подать сюда *Дорошенкоу чарку* и старой сливянки.

Всѣ эти приказанія исполнены были въ одну минуту. Но Михайло и козакъ Середка ужаснулись, когда увидѣли *Дорошенкоу чарку*. Это былъ огромный серебряный корякъ, мѣрою въ двѣ кварталы, всредпнѣ вызолоченный, а снаружи украшенный разными миеологическими барельефами превосходной работы.

Но Запорожець, вѣрный данному слову, не могъ уже отказаться отъ своего обещанія. Онъ только pokrutyлъ головою и сказалъ тихо:

—Вишь, старый хрѣтъ!

Между-тѣмъ панъ Бардакъ наполнялъ свою сверхъестественную чарку изъ большаго мѣднаго кувшина и, поднося ее Запорожцу, сказалъ:

—За твою молодецкую смѣлость и отвагу, я попотчиваю тебя тѣмъ самымъ ковшемъ, изъ котораго пилъ славный и храбрый гетманъ Петро Дорошенко. Дѣдъ мой служилъ при немъ асауломъ. Они вмѣстѣ воевали противъ окаиннаго Бруховецкаго и проклятаго Многогрѣшнаго,—да будетъ ему коломъ земля! вмѣстѣ крутили Польшу и Татарву; и когда Ясневельможный, поупиеніемъ Божиимъ, принужденъ былъ уступить силѣ своихъ враговъ и отказаться отъ Чигирина, то, разставаясь со своимъ асауломъ, онъ подарилъ ему на память свой ковшъ. Этотъ ковшъ зовется въ нашей та-

милін *Дорошенковою чаркою*, и не всякому гостю доводилась честь держать его въ рукахъ. Вышеи, храбрый рыцарь, и будь здоровъ... Да какъ и не быть здоровымъ, отъ такого напитка, который, какъ ты и самъ знаешь,—

Литомъ не кисне,
Зимомъ не мерзне,
Передъ обидомъ не гунитъ,
Щель обзда потунитъ!

Щербина снялъ шапку, взялъ дорогой корякъ съ благоговѣніемъ, поднялъ его надъ головою и, возвыся голосъ, сказалъ съ торжественною разстановкою:

—За здоровье твоо, пане отамане! и твоихъ блзорукыхъ дочекъ! и твоей храброй челяди! А также за упокой души великаго гетмана Петра Дорошенка! Да будетъ ему вѣчная память на землѣ, а царство на небѣ, хоть онъ и не всегда ладилъ съ Запорожцами.

—Или лучше скажи—Запорожцы не всегда съ нимъ ладил, замѣтилъ панъ Бар-

дакъ:—А когдабъ ладил, имя Дорошенка гремѣло бъ во всемъ свѣтѣ, какъ и имя стараго Хмельницкаго, да и Запорожцевъ не называли бъ разбойниками.

Но Щербина, вмѣсто всякаго возраженія на политическую выходку своего хозяина, осушилъ *Дорошенкову чарку*, не отвоя коряка отъ губъ⁴⁶, и потомъ, возвращая се хозяйну, сказалъ:

—Уже жъ, пане отамане, прошу не дѣлать такой чести мовмъ товарищамъ, а-то мнѣ придется покнутъ ихъ гдѣ-нибудь на дорогѣ. Потчивай ихъ Бардаковою, а не *Дорошенковою*, чаркою.

Хозяинъ сперва и слышать объ этомъ не хотѣлъ, но, видя, что Запорожецъ снова взялся за саблю, и боясь, чтобъ онъ, разгоряченный наливкою, не перекалѣчилъ его челяди, принужденъ былъ уступить.

Заставя Михайла и его товарища выставить по большому кубку наливки, онъ велѣлъ наполнить ихъ торока разною прови-

зіей, а Запорожцу за сѣдломъ првязать боконокъ наливки; потомъ перецѣловался со всѣми ими дружески и просилъ не мпновать его дома, когда будутъ ѣздить обратно.

— Скорѣй пьянпца мпнетъ шпнокъ, а гайдамака богатаго жидя, чѣмъ мы твой дворъ, отвѣчалъ Щербина:—Будь певный, пане отамане. Заѣдемъ, коли мимъ головѣ не отхусить, да еще, можеть-быть, у тебя жъ и бѣлоручку подцѣпимъ. Оставайся здоровъ! Много благодарствуемъ за хлѣбъ, за соль и за угощеніе! А ну, панове-молодцы, гайда въ дорогу!

И, поворотя своего коня, онъ поскакалъ быстрою рысью въ сопровожденіи своей команды.

Таковы были понятія о гостепрїимствѣ въ Украинѣ за восемьдесятъ лѣтъ назадъ, когда еще Малороссія вообще представляла смѣсь патріархальнаго добродушія и вопиющей суровости нравовъ, когда пограничные украинскіе пашы, недавно оставленные въ покоѣ Татарами, не отвыкли еще вла-

дѣть оружіемъ и рады были всякому случаю удомлетворить жаръ своего безпокойнаго сердца, для котораго не было уже ни Ляховъ, ни Татары, ни отчаянныхъ партій, раздравшихъ Малороссію отъ смерти Богдана Хмельницкаго до гетманства Самойловича, и которое Россія, привлеки къ себѣ братскимъ сродствомъ, начинала уже мало-помалу укрощать своими европейскими мѣрами.

Въ Гетманщину въ это время было уже тихо и смирно, какъ на кладбищѣ. Глуховской *Трибуналъ* могъ править даже сквозь сонъ этою прежде бурною стороною. Паны малороссійскіе полюбили лучше звучать кубками да серебряными подковами своихъ сафьянныхъ сапоговъ, чѣмъ оружіемъ; и самъ гетманъ малороссійскій, графъ Разумовскій, жилъ большею частію въ Петербургѣ; но титуло гетмана доставляло ему сто-тысячь серебряныхъ рублей годоваго доходу ”.

Только Запорожская Сѣчь со своими многочисленными луговыми колоніями да

слободско-украинскія поселенія, состоявшія на особыхъ правахъ и неподвластныя даже гетману, — представляли еще что-то похожее на прежнюю «Великую Украину обѣихъ сторонъ Днѣпра», если не положеніемъ дѣлъ, по крайней мѣрѣ кипучестью характеровъ и частными схватками, въ которыхъ никому не давали отчету. Въ Запорожьѣ судъ и расправа завѣдали отъ кошевого и войсковой рады⁸⁸, а въ Украинѣ, то есть въ слободско-украинскихъ поселеніяхъ, каждый помѣщикъ, имѣвшій подъ своею защитою (подобно иностраннымъ феодаламъ) большее или меньшее число поселенцевъ, называемыхъ обыкновенно *подданными* (ибо крестьянство введено въ Малороссію только съ 1764 года⁸⁹, а до того времени всякой селянинъ могъ *поддаваться* любому пану на условіяхъ), — былъ самъ себѣ господиномъ, не признавалъ ничьего суда и готовъ былъ оружіемъ отражать самихъ полковниковъ, которымъ всѣ слободы были подвѣдомственны только титулярно, а въ самомъ дѣлѣ полковники судили только средній и низшій классъ народа, распоряжались только козацкими землями и боялись затѣвать

сору съ могущественными и самовластными феодалами или доносить объ ихъ самоуправствахъ и взаимныхъ схваткахъ Царю, будучи въ свою очередь, въ отношеніи къ своимъ подданнымъ, подчиненнымъ и мѣлкимъ сосѣдамъ, такими же, какъ и они, деспотами, не желая вводить русской расправы въ свои земли и тѣмъ поддерживать еще хоть на нѣкоторое время тѣнь прежней независимости, готовой исчезнуть навсегда невозвратно.

пылкими радостями и забывчивыми восторгами.

ГЛАВА XVII.

Глубокая тоска овладѣла снова Михайломъ. Зловѣщій сонъ, мучившій его ночью, и подозрительныя слова двухъ незнакомецъ, подслушанныя имъ наканунѣ, возбуждали въ немъ самыя мрачныя мысли и опасенія. Неуспокоившая твердою увѣренностію совѣсть представляла ему цѣлый рядъ упрековъ, одинъ другаго горьче, и повергла его въ то безотрадное отчаяніе, которое въ молодомъ сердцѣ лежитъ о бокъ съ

Разбирая въ своемъ умѣ ночныя грезы и толкуя ихъ подѣ влияніемъ раскаянія и тоски, онъ составилъ себѣ самое грозное пророчество о своей будущности, которая утратила на этотъ разъ для его воображенія тотъ опасный блескъ, который привлекаетъ къ себѣ молодыхъ мечтателей, какъ огонь мотылька, и представилась ему туманнымъ моремъ, скрывающимъ острые камни подѣ обманчивыми волнами, наполненнымъ страшными чудовищами и готовымъ унести его на край свѣта, межъ чуждые народы, откуда онъ уже никогда не возвратится на родину.

Его душа, неприготовленная ни воспитаніемъ, ни обстоятельствами жизни къ невзмѣнному выполненію предпріятій и къ спокойной встрѣчѣ всѣхъ бѣдствій и опасностей, вдругъ, при первомъ увѣрованіи въ пророчество невзгоды, потеряла весь свой огонь, сдѣлалась болѣзненною и не на-

ходила въ себя силы для поддержанія ослабѣвшей бодрости.

Что ждетъ его теперь? Что это за таинственные незнакомцы? Что значить этотъ вѣщій сонъ? Что значать эти смутныя предчувствія, волнующія его душу? Уже ли въ самомъ дѣлѣ ему назначено погнѣнуть на чужбинѣ? Уже ли пророчество огорченнаго отца исполнится надъ нимъ въ полной мѣрѣ?

Склонясь надъ гривой своего коня и погруженный въ эти размышленія, Михайло ѣхалъ подлѣ Запорожца, не слыша веселаго его говора, которому много помогла выпитая имъ *Дорошенкова чарка*.

—Что это, братцы, мы тарабаримъ, а не запоемъ пѣсни, какъ подобаеть храбрымъ лыцарямъ? говорилъ Запорожець:—Правда, у васъ на Гетманщинѣ всѣ козацкія пѣсни перемѣшались съ бабскими, такъ что не выберешь, что и запѣть бы намъ вмѣстѣ. Развѣ про Ивася Коновченка, которую такъ любить панъ Бардакъ. А ну, помогайте, хлопѣта.

И онъ затапулъ своимъ громкимъ и мужественнымъ голосомъ, образовавшимся подъ вой стениаго вѣтра и ревъ валовъ Чернаго моря:

.....
 То не вихорь по Черкесъ-долинѣ гуляе,
 Не сизый орелъ истребиль гаяе,
 Вдовичско Ковончико на ворондѣ конѣ роздѣлае,
 Мечемъ своимъ лѣтъ блискавка сѣе,
 Трѣхъ Татаръ-лыцарѣ зъ коней збивае.
 Тогда шаблю булатну опускае,
 Козанамъ лыцѣрство свое выхваляе,
 Безпѣче по долину роздѣлае,
 Бусурмановъ на сизыхъ поддѣлае.

То безбожнѣ бусурманн тее зачували,
 Напильго козака заразъ подзаваали,
 Бѣльше ѣму пола гуляти попускали,
 Одъ табура козацкаго заразъ отбивали,
 Гильомъ Божимъ сарачкою на козака налѣтали,
 Шаблями, пистѣлями смертныи раны даровали,
 Тѣлько коня козацкаго не подѣтали.

То добрый вѣкъ до табура прибѣгае,
 По куреннѣ гуляе, гострыи коньтати землю копае,
 Смутно ржучи, козана своего выхваляе.

.....

 То козани тее зачували, на долину наискорѣйше посылывали,
 Бусурмановъ одъ тала козацкаго отбивали,

Шабляни, пядьками суходѣвъ ковали,
 Пясоу Копицѣску ногуу писмали,
 Въ сечи пѣдой пицѣли грѣхали,
 У сурѣжи жабѣво выграпали,
 Слану козацку имхвалили.

.....

Полагл козацка молодцѣска голова,
 Якъ одѣ вѣтру на степу трава;
 Слани не кире, не полаже,
 Амѣрство козацкае всякому роскаже.

Еще козаки не окончили пѣспп, какъ-вдругъ, на перекрестѣ дороги, перестѣкоющей лѣсокъ, которымъ они ѣхали, мелькнули недалекѣ передъ ними два всадника въ красныхъ жупанахъ и въ то жъ мгновение пропали за деревьями.

Путникамъ нашимъ не трудно было узнать въ нихъ тѣхъ самѣхъ незнакомцевъ, которыхъ встрѣтили они у пана Бардака, и Михайло такъ былъ пораженъ этимъ нечаяннымъ явленіемъ, что не могъ выговорить ни слова и только испустилъ отрывистое восклицаніе.

—Что за нечистая сила носитъ этихъ

людей! сказалъ Запорожецъ:—Вчера не хотѣли ночевать у пана Бардака, а теперь блуждаютъ по окопцамъ. Или имъ заморочило память, такъ что они сблнсь съ дороги, или они какіе-нибудь ватажники? Однакожъ по ихъ шаряду и ухваткамъ я вижу, что они не изъ Запорожья.

Но когда Михайло сообщилъ ему свое наблюденіе, Щербина призадумался и, послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокаго размышленія, сказалъ только одно значительное малороссійское:

—Э!...

Потомъ помолчалъ еще немного и прибавилъ:

—Впрочемъ, панове-молодцы, все это пустяки. Пока Щербина съ вами, не бойтесь и самаго чорта. Старого волка не такъ-то легко замануть въ сѣти. Поѣдемъ лишь скорѣе.

Чтобъ обмануть своихъ таинственныхъ

преслѣдователей, Запорожець уклонился нѣсколько версть влѣво отъ прямого пути и до самаго вечера велъ своихъ спутниковъ глухими тропинками, едва пробитыми конскимъ копытомъ, по дикимъ лѣсамъ и байракамъ, гдѣ они во всю дорогу не встрѣтили ни одного живаго существа.

Къ вечеру выѣхали они снова на ѣзжую дорогу, которая однакожъ шла не къ югозападу, гдѣ лежитъ Гадячь, а прямо къ востоку, черезъ густой лѣсъ, который простирается по теченію Ворсклы версть на сто и на правой сторонѣ ея назывался тогда *Барминымъ лѣсомъ*, а на лѣвой *Лощицкимъ боромъ*.

Но не смотря на противоположность пути, казаки слѣдовали за своимъ вожатымъ съ полной увѣренностію, что они выведутъ ихъ на прямой путь, и скоро достигли береговъ одного изъ потоковъ Ворсклы, быстро стремящихся по западному склону длинной гряды возвышенностей, идущихъ съ сѣвера на югъ и дающихъ начало рѣкамъ—съ одной стороны: Сѣверному Донцу

и Удамъ, а съ другой: Пселу, Ворсклѣ, Мерлѣ, Орелю и Самарѣ.

Этотъ потокъ, укрытый холодною тѣнью древнихъ дубовъ, шумѣлъ глубоко въ темномъ своемъ жолобѣ и дополнялъ угрюмую картину лѣса, качавшаго тяжелыми вершинами подъ дыханіемъ вечерняго вѣтра. Крутые и высокіе берега его, покрытые орѣшникомъ, не представляли никакой возможности къ переправѣ, еслибъ не было черезъ него мосту, грубо сдѣланнаго изъ сосновыхъ бревенъ.

Но едва только казаки достигли середины этого мосту, какъ-вдругъ услышали впереди и позади себя свистъ и въ одно мгновеніе ока были окружены множествомъ вооруженныхъ всадниковъ.

При багровомъ свѣтѣ заходящаго солнца, пропикавшаго сквозь густыя вѣтви деревь, они примѣтили въ этой толпѣ двухъ вознакомцевъ, въ красныхъ жупанахъ, и первымъ ихъ движеніемъ было выхватить свои сабли и стать въ оборонительную позицію.

— Стой! не защищайся! кричали имъ изъ толпы:— Бросьте сабли и отдайтесь въ руки по доброй волѣ!

— Какъ! вскричалъ Щербина:— Чтобъ Съчоникъ бросилъ саблю и отдался въ руки первому встрѣчному гольтяпакъ?... Чортъ побери наши души, если мы не поднесемъ вамъ такою табаку, отъ котораго вы будете чихать и въ пеклѣ! Руби ихъ, хлопцы, позанорожски!

Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ скомандовать, козакъ Сергада былъ уже схваченъ сзади спланными руками, а Михайло раздѣленъ отъ Запорожца нѣсколькими всадниками.

Не размышляя, на какой конецъ, Запорожецъ сражался храбро, изъ одной охоты подрасться, и отражалъ сыпавшіеся на него удары съ удивительнымъ искусствомъ. Сердце его спокойно: онъ не чувствовалъ ни страха, ни злости; онъ забавлялся своею сѣчею.

Но по мѣрѣ упорнаго его сопротивленія,

ожесточеніе противниковъ, желавшихъ, по-видимому, забрать ихъ живьемъ,—возрастало, и скоро онъ почувствовалъ на плечѣ своемъ горячую рину, которая тотчасъ ослабла быстроту и силу его руки.

Щербина увидѣлъ тогда, что ему осталось уже недолго защищаться, и неприятность быть взяту въ плѣнъ теперь только представилась его воображенію въ полной мѣрѣ. Вскрикнувъ съ досады на свою безспіе и схватя саблю въ обѣ руки, онъ принялся размахивать ею направо и налево; но бесполезною своею запальчивостью доставилъ только своимъ противникамъ случай себя обезоружить.

Между-тѣмъ Михайло, котораго раскаяніе и тоска довели наконецъ до безумнаго отчаянія, встрѣтилъ эту неожиданную опасность съ нѣкоторою радостью. Не слушая никакихъ предложеній и убѣжденій о сдачѣ, онъ рубился съ совершеннымъ забвеніемъ о жизни и, казалось, рѣшился не пробуждаться болѣе отъ этого забвенія. Напрасны были всѣ успія неприятелей схватить его.

Онъ былъ ужасенъ въ своемъ изступленіи, и его тяжкіе удары, сопровождаемые дикимъ крикомъ, были неотразимы.

Запорожець, лишенный уже оружія, былъ о своемъ положеніи, глядя на изступленнаго юношу, который въ грозномъ своемъ нествоствѣ, съ разъяренными глазами, съ длиннымъ мечомъ въ рукѣ, сверкающемъ какъ молнія, и окруженный одной толпою непріятелей, скорѣи казался могучимъ геіемъ этой шумной пропасти, чѣмъ существомъ, подверженнымъ смерти.

Противники не могли окружить его совершенно, потому что онъ примыкалъ тыломъ къ периламъ мосту. Но эта самая защита обратилась въ причину его гибели. При сильномъ напорѣ коня, который отъ полученнаго въ голову удара подался вдругъ назадъ, перилы лопнули, и Михайло, съ поднятой вверхъ саблею, полетѣлъ съ высоты мосту въ темную пропасть, на днѣ которой шумѣлъ быстрый потокъ.

Запорожець вскрикнулъ и всплеснулъ руками. Цѣлая толпа отъ ужаса попятилась назадъ и на мигъ осталась неподвижною.

Внизу послышался глухой гулъ паденія, сопровождаемый протяжнымъ стономъ, и потомъ все слалось въ однообразный шумъ потока.

— Проклятые антихристы! вскричалъ Щербина:—лучше бъ сатана забралъ всѣхъ васъ разомъ, чѣмъ вы сгубили такого храбраго козака!... Что вы за люди или за черти, и чего вы отъ насъ хотите?

— Узнаешь, отвѣчалъ грубо одинъ изъ красныхъ жупановъ.

И вся кавалькада двинулась впередъ, похитивъ своихъ пльвиньковъ въ центрѣ.

Послѣ такой внезапной и страшной гибели Михайла, другія главнѣйшія дѣйствующія лица этой исторіи должны занимать насъ сильнее, чѣмъ Запорожець, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ такъ мало заботит-

ся о своей участи. И потому, оставя на некоторое время нераспутанною загадку, что за люди овладѣли нашими вѣтвями, мы возвратимся къ милой Катеринѣ и ея почтенной тетушкѣ.

ГЛАВА XVIII.

Не смотря на все усердіе тетушки Татьяны Ивановны и ея стараніе доставить милой гостьѣ въ своемъ дому всѣ возможные удовольствія, Катерина была такъ печальна, что даже не могла скрыть своей тоски отъ вовсе непроницательныхъ глазъ ея.

Тетушка Татьяна Ивановна испугалась, увидя на другой день необычайную блѣдность и распухшія отъ слезъ очи Катери-

ны, и показала столько нужного къ ней участія, что Катерина призналась ей откровенно въ причинѣ своей грусти.

— Охъ, дитя мое! сказала тетушка Татьяна Ивановна, выслушавъ ея сердечную исповѣдь:—пашла жъ и ты, о чемъ тосковать! Я думала—тамъ Богъ знаетъ какія дѣла случились, а она подняла плачь, и за чѣмъ же? за какимъ нибудь сотниченкомъ! Да этакъ я не плакала, когда дочка протопопа Блакитного, лѣтъ тридцать тому назадъ, отбѣла у меня жениха—бунчуковаго товарища! Ну такъ! есть за чѣмъ убиваться! Да ты, моя перепелочко, лучше стань передъ иконами да перекрестись пять разъ, чтобъ Богъ развязалъ тебя съ нимъ. Вѣдь ты, слава Богу, у насъ во всемъ полку * чуть ли не первая невѣста. Тебѣ найдутся такіе дукачи, что посмотрѣть люблю. Охъ, дитя мое! то-то молодой разумъ! И я поспѣшила за своего Степана Степановича, якъ съ козами на торгъ. Я думала, что онъ полковникомъ будетъ, а онъ,—нарство ему небесное, конечно это не его вина,—заболѣлъ и оставилъ меня асаулкою!

Постой лишь, Катя, я прищу тебя жениха не таково: и богатого, и чиновнаго, и челоука поосаипствѣ, чѣмъ твой Михайло Чарнышѣнко.

И, въ полной увѣренности, что утѣшила Катерину своею проповѣдью, Татьяна Ивановна побѣжала на кухню, чтобъ поощрить своихъ кухарокъ къ большой дѣятельности.

Катерина увидѣла, но уже поздно, свою ошибку и рѣшилась терпѣливо ждать возврата своего отца, чтобъ избавиться скорѣе отъ усердныхъ наставленій тетушки, которая безъ умыслу терзала ей душу своими увѣреніями, что Михайло не стоить добраго слова. Однакожъ прошло еще два дня, а полковой судья не возвращался.

На четвертый день Катерина просила Татьяну Ивановну отвезти ее въ Гамалѣвскіи монастырь; но Татьяна Ивановна, вѣроятно, желая продать удовольствіе имѣть у себя въ домѣ любимую свою племянницу, отклонила ея просьбу обѣщаніемъ послать нарочнаго для разузнанія, гдѣ именно на-

ходитя теперь судья, въ Гамалѣвкѣ, или въ Воронѣжѣ.

Пока отыскала она между своими работниками человека, способнаго къ этому важному посольству, пока снарядила и выпроводила его въ путь, прошли еще одни сутки. А посолъ, видно, воспользовавшись этимъ случаемъ, чтобъ навѣстить всѣхъ своихъ сватовъ, братьевъ и кумовьевъ, жившихъ въ Воронѣжѣ, замедлил около трехъ дней и, воротясь наконецъ пьяный, объявлялъ сквозь сонъ, лежа на своей повозкѣ, которую конь самъ, зная дорогу, привезъ въ хуторъ, что судья нѣтъ на въ Гамалѣвкѣ, ни въ Воронѣжѣ.

Тоска Катерины была невыразима. Она просила свою тетушку тотчасъ отвезть ее въ Глуховъ. Но у Тетяны Ивановны колесницы и упряжь никогда не были въ такомъ состояніи, чтобъ можно было выехать когда вздумается. Обыкновенно, если предвидѣлось путешествіе въ ближнее село, приказаніе о починкѣ повозки и сбруи давалось дня за три напередъ. Если жъ иногда

тетушка Тетяна Ивановна предпринимала посѣтить какой-нибудь изъ отдаленныхъ монастырей, то еще съ самаго начала вены нѣсколько искуснѣйшихъ художниковъ, называвшихся какимъ-нибудь Дорошамп, Казюками, Евтухами и тому подобное, освобождались отъ полевой работы и получали самыя строгія приказанія и точныя инструкція о снаряженіи ковчега и всѣхъ его принадлежностей; и не раньше тетушка Тетяна Ивановна выступала, съ великимъ шумомъ, скрипѣніемъ и крикомъ, въ походъ, какъ черезъ два мѣсяца, а иногда и больше, послѣ своихъ приказаній и инструкцій.

Этотъ любезный обычай (замѣчу мимоходомъ) сохранился и до нашихъ временъ у малороссійскихъ пановъ во всей своей патріархальной чистотѣ и цѣлости.

Итакъ Катерина должна была еще на нѣсколько дней отложить освобожденіе свое изъ плѣну. Но одно непредвидѣнное обстоятельство вдругъ доставило прежнее спокойствіе засуетившимся было уже около древней плетеной брочки неповоротливымъ

и чрезвычайно глубокомысленнымъ художникамъ—Дорошамъ, Казюкамъ и Естухамъ, обрадовало тетюшку Тетяну Ивановну и повергло Катерину еще въ большую горестъ.

Работникъ, посланный для развѣданія въ Гамалѣевку и въ Воронѣжъ, проснувшись на другой день и будучи призывая предъ грозную Тетяну Ивановну и выдранъ ею за чуприну, объявилъ, что онъ узналъ въ Воронѣжѣ, отъ сотеннаго отамана, что полковой судья отправился въ Гадячъ за Михайломъ Чарнышѣнкомъ, а пана отамана просилъ уведомить Катерину, чтобъ она оставалась у тетюшки Тетяны Ивановны до его возвращенія. Потомъ, на распросы своей паней, прибавилъ еще, что панъ-отаманъ послалъ отъ себя въ тотъ же день нарочнаго съ извѣстиемъ въ хуторъ къ Тетямъ Ивановнѣ; но тотъ нарочный тоже за благо рассудилъ заняться сперва своими дѣлами и, зашедши въ шинокъ, въ двухъ верстахъ отъ хутора Тетяны Ивановны, пьльнествовалъ тамъ три дня; а когда наконецъ былъ привезенъ другимъ козакомъ домой, то на вопросъ своего пана, извѣстилъ

ли онъ Тетяну Ивановну? отвѣчалъ «извѣстилъ». А потому панъ отаманъ и не заботился уже объ этомъ до прибытія къ нему хуторскаго посланца.

—А меня тожъ сатана подвелъ на искушеніе, продолжалъ вѣрный посолъ Тетяны Ивановны:—Бду изъ Воронѣжа въ хуторъ; смотрю, какой-то человекъ остановился парюю воловъ около того шинку.... Можетъ, и твоя панская милость знаетъ его...

Видишь ты, бурлака! прервала его Тетяна Ивановна:—ты думаешь, проклятый пьяница, что всякому такъ въ память всѣ шинки, какъ тебѣ! Ну, что жъ ты съ тѣмъ человекомъ?

—Такъ отъ же, а жъ кажу твоей милости,—остановился человекъ подлѣ самаго така шинки. Э, думаю я себя, да это жъ знакомый; это, коли не брѣшутъ мои очи, чумикъ Потылиця! Здоровъ!—«Здоровъ!» Слово за слово, и пошелъ въ шинокъ. Ну, думалось же сперва, чтобъ по одной, да й годъ; а послѣ такъ нахлобачилъ, що вже

не знаю, якъ и на вѣкъ звалися.

Тетяна Ивановна такъ была довольна лестною довѣренностью полкового судьи, что вмѣсто наказанія за пьянство, поднесла своему послу чарку перначовки, которая для него на похмѣлье была пріятнѣе всего на свѣтѣ.

—Экъ, пані ты наша милосердная! воскликнулъ обрадованный посолъ:—нѣтъ во всемъ свѣтѣ такой паніи, якъ у насъ!

—Была бъ я еще не такою, сказала Тетяна Ивановна, тяжело вздохнувши:—когдабъ мой Степанъ Степановичъ не умеръ съ чимомъ только сотеннаго осаула. Что жъ дѣлать? Богу угодно было положить предѣлъ, его же не преидеши! Ну, ступай же себѣ, Архипъ, да смотри, впередъ не пьянствуй, а-то, ей Богу, сама такъ полатаю тебѣ замчукомъ спину, що и не стамішься!

—Да нѣ, пані, говорилъ, уходя, Архипъ: да вже видано, щобъ я да пьянствовать?

Вечеру того же дня явилась къ Тетянѣ Ивановнѣ какая-то старуха, покрытая вся чернымъ плащомъ, такъ что нельзя было разсмотрѣть ея лица; по одному только сгорбленному стану и дрожащему голосу можно было видѣть, что она старуха. Тетяна Ивановна сперва немного испугалась, когда она попросила ее въ особую комнату, гдѣ бы никого не было, но ободрясь и увлекаемая любопытствомъ, согласилась на ея просьбу.

Около часу просидѣли онѣ запершись въ пустой комнатѣ, и когда вышли, лицо Тетяны Ивановны сіяло радостью, а старуха тотъ же часъ скрылась.

—Вотъ, Катя, какъ Богъ иногда посылаетъ радость бѣднымъ сиротамъ и скорбящимъ душамъ! сказала она своей гостьѣ, оглядѣвшись вокругъ съ таинственнымъ видомъ:—Знаешь, что это за баба у меня была? Это волошка-цыганка, ворожея пренкусная, которой извѣстно все, гдѣ что творится на свѣтѣ. Она мнѣ сказала, что мой двоюродный братъ, который ограбилъ

меня бѣдную вдову, лежитъ нездоровъ и черезъ двѣ недѣли,—только уже, Ката, ты этого никому не говори,—и черезъ двѣ недѣли умереть непременно, а все его имѣніе достанется по наследству мнѣ. Тогда-то мы себя покажемъ передъ этими чиновными людьми, которые теперь не хотятъ и глядѣть на бѣдную полковую асаулиху! Но постой, еще не все, милая моя перенеслочко. У меня есть теперь про запасъ такая цаца, которая забавитъ тебя лучше всякой куклы, и ты станешь смѣяться и прыгать, какъ дикая козка! Слушай только. Я вижу, что это воровка знающая, да и думаю себѣ: дамъ уже ей лишній пятакъ, да пусть заморозитъ, какой будетъ женихъ для моей перепелочки? Что жъ бы ты думала, Ката? кто бы могъ и ожидать? Заморозила и говорить, какъ съ книжки читаетъ: «Завтра передъ вечеромъ пріѣдетъ женихъ богатый, породный, сановитый». А я не утерпѣла такъ да и говорю: А чиномъ, говорю, какъ высокъ?—А она и говоритъ,—ей Богу жъ правда!—такъ такъ и говорить: «А чиномъ, говоритъ, выше полковника». Вотъ тебѣ и на! подумала я, (признаюсь

тебѣ): тетушка сотенная асаулыша, а племянница...

Но тутъ она остановилась. Катерина поблѣднѣла вдругъ и опустила безъ чувствъ къ ней на руки.

—Боже мой! дитя мое, Ката! кричала испугавшись Татьяна Ивановна:—Что это съ тобою сдѣлалось, моя перенеслочко?

Но видя, что ея крики не пробуждаютъ Катерины, положила ее на постель, а сама отправилась искать сляпички со сирпомъ.

—Вотъ что значить старинное правило, говорила она, давая ей нюхать спиртъ:— все черезъ итру худо. На что дѣвчонкѣ такого знатнаго жениха! Она съ ума сойдетъ пока успѣетъ обвѣнчаться. Я, слава Богу, не ея была, когда выходила замужъ,—мнѣ было лѣтъ подѣ тридцать, да и тутъ не слишкомъ знатной особы дождалась въ женихи; а-то дѣтяти только семнадцатый годъ, а женихъ хоть для гетманской дочки!

На всѣ усердныя убѣжденія Тетяны Ивановны, которыя она дѣлала своей племянницѣ, — не предаваться слишкомъ большой радости (добрая женщина въ самомъ дѣлѣ боялась, чтобъ дѣвушка не помѣшалась до свадьбы), Катерина отвѣчала ненарушимымъ молчаніемъ и объявила, что она чувствуетъ себя нездоровою и хотѣла бы быть одна.

—Боже тебя сохрани, Катя! возразила Тетяна Ивановна: — какъ можно оставаться тебѣ одной? Я худо бы уважала санъ твоего батюшки и мало любила бы тебя, если бы оставила тебя одну въ такомъ расположеніи. Успокойся, забудь навреми о своемъ женихѣ. Не чувствуешь ли ты жару въ головѣ? Я приложу тебѣ къ вискамъ лѣду.

Катерина, отклоня съ трудомъ это предложеніе, рѣшилась въ молчаніи сносить немолкающую разговоръ радостной Тетяны Ивановны и чрезъ нѣсколько минутъ, зажмури глаза, притворилась крѣпко уснушею.

—Слава Богу! сказала тогда усердная Тетяна Ивановна: — Это ее успокоитъ.

И отправилась дѣлать распоряженія къ принятію обѣщаннаго ворожкой гостя.

На другой день Катерина не выходила изъ своей спальни и говорила, что очень больна. Тетюшка была неутѣшна.

Передъ вечеромъ дѣйствительно явился обѣщанный женихъ, на дорогомъ конѣ, въ пыльномъ нарядѣ, въ сопровожденіи двухъ слугъ, изъ которыхъ одинъ былъ одѣтъ позанорожски.

Тетюшка Тетяна Ивановна приняла его съ подобающими почестями.

—Встань, Катя! сказала она, убѣжавши потомъ къ Катеринѣ: — пріѣхалъ женихъ!

—Не хочу я его видѣть, отвѣчала Катерина, отворотась къ стѣнѣ.

—Какъ, дура! вскричала тетюшка, вы-

ходя пзъ себя:—Какъ ты не хочешь его видѣть? Да знаешь ли ты, сумасшедшая, кто твой женихъ? Это первый на всю Гетманщину богачъ Крыжановскій, котораго Царь пожаловалъ Бригадиромъ!

—Пропади онъ со своимъ богатствомъ и чинами! сказала Катерина:—Я не хочу его видѣть! Я умру отъ одного его взгляда!

—Боже мой! отчаянно вскрикнула Татьяна Ивановна:—она въ самомъ дѣлѣ помѣшалась! О, глупая жъ я голова! Зачѣмъ было не приложитъ ей льду къ вискамъ!

При всей однакожъ своей горести, Татьяна Ивановна собралась кое-какъ съ духомъ и, воротаясь къ гостю, старалась занять его пріятною бесѣдою, спрашивая у него про его знакомства и сношенія съ петербургскими вельможами и рассказывая ему въ замѣну разныхъ старинныхъ преданій о блескѣ гетманскихъ дворовъ и о роскоши прежнихъ малороссійскихъ богачей. А между-тѣмъ она обдумывала, какъ помочь

своему горю и за какую бабкою послать для скорого излѣченія Катерины отъ сумасшествія. Крыжановскому жъ объявила, что племянница ея немного нездорова, но что къ завтрашнему дню она надѣется доставить ей честь видѣть знаменитаго гостя.

—Этакіе припадки, знаете, бываютъ съ дѣвушками до замужества, прибавила она съ особеннаго рода улыбкою:— Я сама когда была въ дѣвушкахъ, то, бывало, Богъ знаетъ съ чего, вдругъ поблѣднѣешь; какое-то томленіе въ груди, жаръ какой-то и вмѣстѣ дрожь. А какъ вышла замужъ, все, слава Богу, благополучно миновалось.

Крыжановскій усмѣхнулся на эту простодушную откровенность и началъ рассказывать ей о томъ, какъ онъ познакомился съ полковымъ судьей, котораго уважалъ, говорить онъ, съ давнихъ временъ за славные подвиги его дѣда,—какъ бывалъ онъ у него въ домѣ, какъ его радушно принимали, какъ судья увѣрялъ его въ своей дружбѣ

и заставляя Катерину потчивать гостя изъ своихъ рукъ.

Тетушка Татьяна Ивановна слушала все это съ великимъ удовольствіемъ и воображала, какую услугу оказала бы она судья, еслибы не выпустила изъ рукъ этого «женишка» и обѣщала молодыхъ! а свадьбу сыгнали бы, думала она, по приѣздѣ самаго судьи.

На другой день въ комнатѣ Катерины, какъ бы волшебствомъ какимъ, явились зеркала, составившія въ тѣ времена, въ Малороссіи, предметъ роскоши; на столѣ лежали разные подарки дорогой цѣны, полъ устланъ былъ драгоценнымъ ковромъ, окна уставлены цвѣтами въ расписанныхъ богато вазахъ.

— Видишь, моя ты перепелочко! видишь, мое ты дитя родное! кричала видя себя отъ радости Татьяна Ивановна:— все это женихъ для тебя велѣлъ привезти изъ Гадяча! Да ты будешь царицею за нимъ! Смотри, какія серьги, какія кольца на столѣ!

Но Катеринѣ всѣ эти драгоценности казались напуганными смертоноснымъ ядомъ. Она боялась прикоснуться къ нимъ, боялась даже глядѣть на нихъ, чтобъ нечистыя чары Крыжановскаго не отуманили ей разсудка. Она вспомнила разсказы о томъ, что никакая женщина не можетъ противиться его искушеніямъ и съ ужасомъ прижалась къ стѣнкѣ своей кровати. А чтобъ отвязаться какъ-нибудь отъ неутомной тетушки, притворилась опасно больною.

Крыжановскій, освѣдомясь объ этомъ, казался сильно встревоженнымъ, но въ самомъ дѣлѣ онъ понималъ недугъ Катерины совершенно иначе, чѣмъ хлопотливая тетушка

Это подтвердилось тѣмъ, что, когда Татьяна Ивановна отлучилась на нѣсколько минутъ въ кухню, онъ безъ церемоніи вошелъ въ спальню Катерины и, подойдя къ ея постели, сказалъ ей рѣшительнымъ голосомъ:

— Слушай, милая Катя! Я знаю твои капризы, знаю также и то, что отец твой никогда бы не согласился по доброй воле выдать тебя за меня замужъ. Но я умѣю обуздывать непокорныхъ мнѣ такъ же ловко, какъ мой возница коня. То, что я тебѣ скажу теперь, есть истина. Другихъ женщинъ я губилъ для одного только удовольствія, а тебя я люблю, съ тобой я обиваюсь. Значитъ, съ этой стороны ты можешь быть спокойна. А чтобъ уменьшить твое отвращеніе ко мнѣ и прибавить охоты готовиться къ вѣнцу, объявляю тебѣ, что твоей куклы—Михайла нѣтъ уже на свѣтѣ, а отецъ твой въ моихъ рукахъ, подъ карауломъ въ Гадячѣ. Его обвиняютъ въ убійствѣ Михайла, хотя конечно Михайлу твоему назначено пасть отъ другихъ рукъ. Какъ бы то ни было, но если ты хочешь спасти своего отца отъ суда и отвѣта, это въ твоей воле. Даю тебѣ этотъ день на размышленіе. Завтра мы что-нибудь иное придумаемъ. Но знай, что никто не спасетъ тебя отъ моихъ преслѣдованій. Пріятеля твоего отца станутъ моими пріятелями, и гдѣ ты будешь надѣяться найти

убѣжище, найдешь только западню.

Съ этимъ словомъ онъ повернулся и быстро вышелъ.

спуль ей лучъ надежды, которая рѣдко оставляетъ человѣка.

Она съ нетерпѣніемъ ожидала ночи и, когда утѣрилась, что все въ домѣ уснуло, тихонько встала со своей постели, одѣлась наскоро при мѣсяцѣ, который наполнялъ всю ея спальню млечнымъ лампаднымъ свѣтомъ, оправилась и, если вѣрять преданію,—выхода изъ комнаты, не могла утерпѣть, чтобъ не изглянуть въ большое погирванное зеркало.

Знаю напередъ, какъ мнѣ достанется отъ кошель пріятельницъ за эту послѣднюю фразу, предвижу грозу ужасную и отвѣчаю заблаговременно:— Милостивыя государыни! не смѣю защищать справедливости этого преданія, не смѣю заглядывать въ тайные уголки нашего вѣчнаго сердца; но слыхала я не разъ отъ тѣхъ, которые больше моего терпѣсь межъ вашимъ такъ называемымъ прекраснымъ поломъ, что хорошенькая женщина не можетъ забыть своихъ прелестей и въ самыя скорбныя минуты своей жизни, что даже стоѣ надъ могилой мужа или ма-

ГЛАВА XIX.

Катерина нѣсколько минутъ осталась неподвижна на своей постели. Отъ страха она едва помнила, что говорилъ ей Крыжановскій. Но когда присутствіе духа къ ней возвратилось и она увидѣла всю великость своего несчастья, когда вообразила опасность своего отца и свою собственную, стремленію спасти его и себя было первымъ ея чувствомъ, и вслѣдъ за тѣмъ бле-

тери и лояя въ отчаяніи руки, она не неглижируетъ своею «интересною» поэмою и, посреди слезъ, стонувъ и воплю, не забываетъ о красотѣ своихъ изящныхъ ручекъ и розовыхъ пальчиковъ. Какъ бы то ни было, но что Катерина взглянула въ зеркало, въ этомъ преданіе увѣряетъ насъ положительно и прибавляетъ еще, что и она зеркаломъ и зеркало ею остались довольны.

Тихо, неслышимыми шагами, вышла она въ садъ и спѣшила къ задней калиткѣ, чтобъ уйти чрезъ нее въ поле.

Но едва только къ ней приблизилась, какъ услышала что-то храпѣнье. Тогда, всматриваясь пристально, она примѣтила скрытаго въ тѣни ограды козака, который спалъ сидя и прислонясь спиной къ калиткѣ. Голова его склонилась на грудь, правая рука опиралась на карабинъ.

— Это часовой Крыжановскаго, подумала со страхомъ Катерина и спѣшила удалиться.

Она подходила еще къ нѣсколькимъ выходамъ, но всѣ они были крѣпко заперты или охраняемы карауломъ.

Что дѣлать въ такомъ случаѣ? Вернуться въ домъ и ожидать, какъ жертва, рѣшенія своей участи отъ этого чудовища?

— Нѣтъ! сказала она мысленно:— скорѣй обинметъ меня смерть, чѣмъ ты! Чего мнѣ жалъ оставлять съ жизнью? Михайла нѣтъ!

— Нѣтъ Михайла! повторила она тихимъ голосомъ, облокотясь на высокіи рундукъ и склоня голову.

Но ни одна слеза не выкатилась еще у нея изъ глазъ послѣ вѣсти о его смерти. Увѣренность въ несчастіи какъ-будто оглушила ея чувства. Она понимала свое горе однимъ умомъ.

— А отецъ? думала она, приближаясь къ пруду черезъ дворъ, которому границею служила съ одной стороны, вмѣсто всякой ограды, вода:— А что жъ отецъ? Лучше

ему видѣть свою дочку въ могилѣ, чѣмъ во власти жиды, колдуны, грѣшники вераскааннаго!

Съ этимъ словомъ она хотѣла броситься въ воду, но глаза ея вдругъ остановились на лодкѣ, которая стояла у берега. Катерина въ другое время никогда не согласилась бы вѣтриться и самому опытному грѣбцу, но въ эту минуту отчаянія она безъ всякой робости прыгнула въ лодку, схватила весло и, сильно уперши имъ въ берегъ, оттолкнула лодку на воду.

Она почувствовала необычайную радость, когда увидѣла, что этотъ ненавидимый для нея берегъ, съ усердною тетушкою, ужаснымъ Крыжановскимъ и его слѣдующимъ сторожемъ, удаляется отъ нея какъ бы какимъ волшебствомъ.

Но страхъ овладѣвъ ею снова, когда лодка, отплывъ далеко отъ берега сплюю перваго толчка, остановилась неподвижно на тихомъ зеркалѣ воды, въ которомъ рождался опрокинутый хуторъ съ высокими

трубами и деревьями. Она не умѣла править весломъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ остолебенія, Катерина рѣшилась однакожь попробовать употребить это непонятное для нея орудіе. Таково жъ было ея смущеніе, когда лодка отъ движенія весла повернулась носомъ къ непріязненному для нея берегу! Со страху грѣбула она въ другой разъ, — лодка повернулась опять и стала въ прежнемъ положеніи.

— Надо попробовать грести еще съ другой стороны, подумала Катерина, всё таки не теряя присутствія духа.

Попробовала. — лодка подвинулась впередъ, но при другомъ движеніи весла снова начала поворачивать къ хутору. Безъ умыслу Катерина перенесла въ испугѣ весло на другую сторону, и радость ея была непонятна, когда она не только отворотила лодку отъ ужаснаго для нея берега, а еще подвинула ее и впередъ.

Тогда, постигнувъ механизмъ этой работы, она принялась усердно грести то съ правой, то съ лѣвой стороны, и хотя это было не по правиламъ рыбацкѣй навигаци, однакожъ для нея казалось на этотъ разъ искусствомъ волшебнымъ. Она почти не вѣрила сама себѣ, чтобъ это благодѣтельное движеніе, по непріязненной для нея дотогѣ стихіи, происходило отъ ея физической силы, а не отъ какого-нибудь непостижимаго вліянія силы верховной.

И какъ божественна казалась тогда сѣи ночь! какъ хороши подводные вишневые сады, облитые бѣлымъ цвѣтомъ и повторенные въ водѣ! какъ живителенъ воздухъ въ удаленіи отъ этихъ ужасныхъ людей, которые такъ равнодушно ее мучили!

Прудъ, минуя хуторъ, поворачивалъ узкимъ заливомъ вправо и выходилъ въ открытое поле, на противоположномъ краю котораго видѣлись сады и церкви воровнѣжскія. Катерина направилла туда свою лодку, но едва только обогнула кустъ водянаго верболозу, какъ лодка ея столкнулась

съ другою, въ которой сидѣлъ старый рыбакъ Тетяны Ивановны Прохоръ Божко.

Катерина чуть не вскрикнула отъ страху, видя всѣ свои подвиги вдругъ уничтоженными этою встрѣчею; но страхъ самаго Божки не уступалъ ея испугу.

Старикъ съ ужасомъ положилъ свое весло и, крестясь большимъ крестомъ, противъ котораго не устоялъ бы и самъ Антихристъ, говорилъ дрожащимъ голосомъ одно: *Господи... Господи!* и больше ничего.

Божко нѣсколько разъ видалъ Катерину прежде и даже говорилъ съ нею; но ея небрежный нарядъ, распустившіеся по плечамъ волосы, поразительная красота, увеличенная свѣтомъ мѣсяца и душевнымъ волненіемъ, а болѣе всего странная встрѣча въ полночь, на водѣ, превратили Катерину для суевѣрнаго его воображенія—въ одну изъ водяныхъ богинь, про которыхъ въ народѣ ходитъ множество легендъ.

Непонятно, почему въ минуты опасности

и въ самыхъ тупыхъ умахъ является иногда удивительная смѣтливость и въ самыхъ робкихъ сердцахъ необыкновенное присутствіе духа, которое послѣ тому жъ самому человеку кажется дѣйствіемъ сверхъестественнымъ. Катерина угадала причину испуга Прохора Божка и на его вопросъ «кто ты?» отвѣчала важнымъ голосомъ:

—Имя мое: *Петья*. Я стерегу рыбъ, которыя теперь веселятся, и наказываю тѣхъ, кто осмѣливается безпокоить ихъ даже и въ праздники «!»

—О, помилуй! не губи меня грѣшного! вскричалъ Прохоръ Божко, сложа на груди руки.

—Ступай своей дорогою, сказала Катерина:—но если ты оглянешься назадъ или скажешь до семи дней, что меня видѣлъ, то не показывайся больше на водѣ.

Разминувшись такъ счастливо съ Божкомъ, Катерина достигаетъ берега. Тутъ усталость заставила ее отдохнуть нѣсколько

мигнута, хотя теперь каждое мгновеніе было для нея дорого.

Опасаясь поговни, она рѣшилась идти къ Воронѣжу глухимъ полемъ, не боясь встрѣтиться съ дикими звѣрями, ибо послѣ жестокосердія людскаго дикіе звѣря потеряли для нея свое значеніе.

Путь ея былъ затруднителенъ. Она принуждена была во многихъ мѣстахъ спуститься въ баіраки и подыматься вверхъ по крутому берегу, продраться сквозь густую чагарникъ и иногда переходить въ бродъ холодные ручьи. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, она достигла Воронѣжа.

Небо начинало уже багровѣть на востокѣ, когда она подошла къ воротамъ воронѣжской крѣпости. Тутъ караульный козакъ, видя ея странныя движенія, блуждающія очи и изорванное терновниками платье, остановилъ ее вопросомъ: кто она и зачѣмъ въ такое время входить въ крѣпость?

Катерина сжала передъ нимъ свои бѣ-

лыя руки и умоляющимъ голосомъ сказала:

—На что тебѣ мое имя? Взгляни только на меня: я несчастная. Пропусти меня въ крѣпость. Дикіе звѣри меня не остановили; неужели ты будешь жесточе ихъ?

Пораженный воодушевленною мольбою Катерины и непреодолимою силою ея взоровъ, козакъ не нашелся, что ей сказать, и она скользнула мимо него, какъ тѣнь.

Читатель конечно уже догадался, куда направляла Катерина торопливые шаги свои. Она не знала вѣрнѣйшаго пріятеля отцу своему, какъ сотника Чарныша. Она не сомнѣвалась, что онъ не пожалеетъ пожертвовать всѣмъ своимъ имѣніемъ для спасенія друга, и, не зная вовсе положенія дѣлъ его, спѣшила сообщить ему печальное извѣстіе.

Ее очень удивили безпорядокъ и разореніе, въ какихъ нашла она его жилище. Ворота были отворены попрежнему; на дворѣ валялось еще нѣсколько стульевъ и

столовъ; домъ, до половины упищтоженный пожаромъ, стоялъ печальною развалиною.

Не смотря на раннее утро, она застала сотника Чарныша уже на ногахъ, ибо со времени несчастнаго происшествія, поврежденнаго его разсудокъ, день и ночь потеряли для него свое значеніе. Онъ иногда въ полночь ходилъ по двору въ сопровожденіи Семена ключника и искалъ по всѣмъ угламъ Михайла, иногда днемъ садился за свои лѣтосписи и велѣлъ зажигать свѣчи, говоря, что ему темно, и только тогда приходилъ немного къ памяти, когда ключнику Семону удавалось привлечь его вниманіе какою-нибудь историческою вѣстью, напѣваемой уныло подъ звукъ бандуры. Но состояніе души стараго сотника было еще мучительнѣе въ подобныя минуты, ибо онъ чувствовалъ тогда вполне свое несчастіе.

Когда Катерина вошла въ извѣстную читателю *гетманскую* свѣтлицу, которая, стараніями Семена ключника, опять приняла почти вполне свой прежній видъ, сот-

10.

никъ Чарнышъ стоялъ передъ портретомъ Богдана Хмельницкаго и, наклоня внизъ голову, говорилъ что-то самъ съ собою. У ногъ его, растянувшись на голомъ полу, спалъ Семенъ ключникъ. Катерина застала только на окончаніе Чарнышева разсужденія.

—Что жъ? говорилъ онъ:—Я отецъ, а на то отецъ. Слово мое есть слово кары Божіей.... Во всемъ роду Чарнышей никто не сдѣлалъ такого страшнаго, какъ онъ, грѣха. Что ты на это скажешь мнѣ, старій Хмельницкій, гетманъ запорожскій, батько козацкій? Что ты на это мнѣ скажешь?—А ты кто? сказалъ онъ, обращаясь къ другому портрету:—кто ты, что смѣешь смотрѣть такъ важно на сотника Чарныша? Гетманъ Дорошенко.—Не сверкай однакожъ такъ страшно очами! Что? развѣ я несправедливо его проклялъ? Прочь изъ моей свѣтлицы! Ты былъ сперва великимъ гетманомъ, сперва ты чортъ знаетъ какъ надрывался за Украину, а потомъ кто терзалъ ее за то, что она тебя не послушалась? Не хмурься такъ! но смотри на меня такими львиными очами! Сможешь вы-

вези его изъ свѣтлицы: онъ отиалъ у меня Михайла.

Ключникъ Семенъ тотчасъ поднялся и, бормоча свои всегдашнее *помяни, Господи, царя Давида*, снялъ со стѣны портретъ и понесъ въ другую комнату. Сотникъ Чарнышъ молча провожалъ его глазами и только теперь замѣтилъ Катерину, которая стояла у двери, устроив на него удивленный взоръ. Выѣсто обыкновеннаго пріѣтствія или вопроса, онъ встрѣтилъ ее стихомъ изъ Пѣсни Пѣсней, царя Соломона:

*—Кто сія восходила отъ пустыни,
яко стебло дыма, кадышце смрну и ливанъ?*

—Видно, я очень несчастна, отвѣчала бѣдная дѣвушка:—когда встрѣтившій другъ моего отца не узнаётъ своей Катерины?

—А, Катерины? сказалъ сотникъ Чарнышъ:—такъ это Катерина, это *turtur mea carissima*!

И обнялъ ее съ такимъ усердіемъ, какъ родную дочь.

Катерина, видя сотника Чарныша въ бреду, не знала, пужно ли ей открывать ему причину своего посѣщенія? Но когда онъ, лаская ее, воротился, казалось, къ разсудку, она пересказала ему наскоро всѣ свои бѣдствія, умолчавъ только о смерти Михайла.

Сотникъ Чарнышъ закипѣлъ гнѣвомъ, узнавши о заключеніи судьи въ тюрьму.

—Какъ! вскричалъ онъ:—Неужели жи-
ды и Ляхи опять на Украинѣ? Такъ ты,
батюшко Хмельницкій, воевалъ цѣлыхъ де-
сять лѣтъ даромъ? Неужели проклятая
Унія пришла къ намъ снова за Наливай-
ками, Павлюками и Острияцами? Гей,
Семень! братъ мой родной! дай мнѣ коня
такого, чтобъ летѣлъ черезъ лѣса и горы!
дай мнѣ ту самую саблю, которою воевалъ
предокъ мой Павло Чарнышъ подъ Збара-
жемъ! Я не потерплю, чтобъ жида держалъ
на откупѣ православныя церкви! Я не
потерплю, чтобъ нечестивые ксензы ѣзди-
ли изъ села въ село на священникахъ пра-
вославныхъ! Я не потерплю, чтобъ крово-

жадные зѣври Ляхи жарили насъ въ мѣд-
ныхъ быкахъ и варили въ котлахъ дѣтей
козацкихъ! Сѣдай, Семень, мнѣ коня,
быстраго, какъ вѣтеръ, и горячаго, какъ
огонь...

Садлай собѣ буланого, мѣдъ вороного,
Гей, вырешеть вражнихъ Ляховъ, геть шчо до одибго!

И потомъ, увлекшись пѣснею, сотникъ
Чарнышъ забылъ о Катеринѣ и въ какомъ-
то бреду продолжалъ:

Ой якъ стѣсно козакъ Нечай коня острогамъ,
За нимъ Ляховъ сорогъ тысячъ зъ голыми шаблями!

Повернувся козакъ Нечай вѣдъ брани до браны,
А поставивъ вражнихъ Ляховъ у чотыри лавы.

Ой якъ вѣзьме козакъ Нечай одъ бащты до бащты,
И ставъ Ляховъ, вражнихъ смѣловъ, якъ спомини клѣсти.

Повернувся козакъ Нечай на правес плече,
А вѣкъ зъ Ляховъ, вражнихъ смѣловъ, кровъ рѣчками тече.

Повернувся козакъ Нечай на лѣвую руку,
Не выскочить Печай конь изъ лѣдчого трѣпу!

.....
.....

—Милый мой дядюшка! сказала со слезами Катерина, схвативши его за руку:— тутъ не объ Ляхахъ дѣло идетъ.

—А о чемъ же? спросилъ Чарнышъ.

—Отецъ мой, полковой глуховской судья, взятъ Крыжановскимъ въ томницу, отецъ мой Животовскій, другъ сотника Чарныша.

—Другъ? сказалъ, отступая назадъ, сотникъ Чарнышъ:—Развѣ теперь есть на свѣтѣ друзья, когда дѣти покидаютъ родныхъ отцовъ?

—Дѣти отцовъ родныхъ покидаютъ, повторилъ вздохнувши ключникъ Семенъ, сидя какъ припадѣнне въ темномъ углу, на кипѣ книгъ:—*О Господи! помни царя Давида!*

Несчастная Катерина, видя, что и послѣдняя ея надежда разрушилась, представила судьбу своего отца волю Божіей, а сама думала только о спасеніи себя отъ Крыжановскаго. Оставя молча Чарныша и

его ключника и пробѣгая быстро улицы Воронѣжа, она съ безпокойствомъ оглядывалась во всѣ стороны, не бѣгутъ ли по слѣдамъ ея посланцы Крыжановскаго.

За Воронѣжемъ, по маковской дорогѣ, тотчасъ начинаются березовыя рощи, называемыя левадами. Чѣмъ дальше отъ Воронѣжа, эти веселыя и свѣтлыя рощи дѣлаются суровѣе, омрачаясь дубами и соснами, и наконецъ переходятъ въ непрерывную цѣпь лѣсовъ, простирающихся на далекое пространство и дѣлающихся въ иныхъ мѣстахъ истинно дремучими борями. Туда, черезъ эти свѣтлыя левады, бѣжала Катерина.

—Если уже такова моя несчастная доля, думала она:—что ни отъ кого я не могу надѣяться ни помощи, ни защиты, то да будетъ надо мною воля Божія! Пойду въ эти непроходимыя лѣса; пусть лучше достанусь въ пищу волкамъ и медвѣдямъ, чѣмъ гнусному жиду Крыжановскому.

И въ этомъ мѣстѣ мы ее оставляемъ,
подъ защитою дикнхъ лѣсовъ, тѣмъ бо-
лѣе, что намъ пора уже узнать, что сдѣ-
лалось съ весельчакомъ Щербинною и его
молчаливымъ спутникомъ.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я

•

П Р И Л О Ж Е Н І Я .

ПРИМЪЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

34. «По случаю путешествія Императрицы Елисаветы Петровны въ 1744 году въ Кіевъ чрезъ Глуховъ, Кролевецъ, Батуринъ, Нажинъ и Коzeлець, дорога на семь тракть отъ границъ великороссійскихъ была *разширена*, мосты отдѣланы прочною работою и поставлены раскрашенные версты».

(Ист. Мал. Россія, *Бант. Каменскаго*, т. III, стр. 210).

«Малороссійскій генералъ - губернаторъ графъ Румицонъ-Задунайскій приказалъ въ 1778 году *разширить* все дороги въ Малороссіи на восемь сажень, усадить деревьями и подѣлать прочные мосты и гати».

(Тамъ же, примъчаніе 202.)

35. О словѣ *голландицы* см. часть 1, примъчаніе 8.

36. *Спічка въ нбсть* значить еще—особенное искусство въ какомъ-нибудь ремеслѣ или наукѣ, талантъ; а *кручѡкъ у нбсть* или *кармѡчка въ нбсть* значить—знаніе колдовства.

37. Почтенный авторъ Исторіи Поворосійскаго Края г. Скальковскій, въ новомъ своемъ трудѣ, достойномъ благодарности всякаго Малороссійнина, *Исторіи Новой Сѣчи, или Послѣдняго Коша Запорожскаго*, сообщилъ публикѣ между многими интересными документами любопытныя отрывки изъ разсказовъ Запорожца Коржа *, положенныя на бумагу пресвященнымъ Гаврииломъ, архіепископомъ скатеринославскимъ; и какъ эти отрывки проливаютъ новый свѣтъ на ту эпоху, которой касается моя книга, то, думаю, не

* Они сперва были напечатаны въ *Ж. М. Н. П.* (1838 и 1839) и не все вошли въ *Исторію Новой Сѣчи*. Такъ напримѣръ не оказалось въ ней прекрасныхъ подробностей объ устройствѣ куршей (см. здѣсь прим. 51.) Другіе жъ разсказы Коржа явились въ *И. Н. С.* съ значительными и многочисленными перемѣнами, пропусками и искаженіями, которыхъ причина г. Издатель, къ сожалѣнію, не объяснилъ, и потому мы не знаемъ, который списокъ разсказовъ Коржа должно считать вѣрнѣйшимъ,—тотъ ли, который помѣщенъ въ *Ж. М. Н. П.*, или тотъ, который предложенъ въ другомъ видѣ въ *И. Н. С.*

худо сдѣлаю, если помѣщу здѣсь изъкоторыя изъ нихъ.

О *прѣзвищатъ*. «Козаки запорожскіе, и особливо Сѣчовики, по вольности запорожскаго духа и веселости характера, имѣли такую привычку къ насмѣшкамъ, что отъ всякаго и малѣйшаго случая, поступка, похвѣлки или калѣцтва немедленно давали козаку прозвище, которое уже навсегда и оставалось при немъ. Кто отъ неосторожности снѣмилъ курѣнь или зимовникъ, того называютъ *Паливѣмъ*; кто готовитъ пищу или раскладываетъ огонь преимущественно надъ водою, тому даютъ имя *Паливоди*. Кто ходитъ согнувшись отъ природы или привычки, тотъ *Горбѣцъ*; а если кто тощъ, блѣдешъ и высокъ, тотъ *Гнида*. Если кто, противъ обычая запорожскаго, не любитъ тетѣри или мамалыги, главнѣйшихъ яствъ козачества, и варитъ себѣ отъ роскоши кашу, того зовутъ *Кашкою* или *Кашовдромъ*. Козака очень малаго росту для смѣху называли *Махѣна*, а большаго росту Малютою. Если кто, несмотря на проворство, приличное бравому козаку, скользя и падалъ, тотъ назывался *Слизкій*; неуклюжихъ звали *Черепашкою*, шалуновъ *Святыми*, лѣнивыхъ *Добрая-воля*, несившихъ бороду *Ка-*

«синами, т. е. Великороссянами. Отъ такихъ
 «случаевъ и мой родной отецъ (это говоритъ
 «запорожець Коржъ), котораго настоящая фа-
 «милія была Жаданъ, прозванъ былъ *Тара-*
 «*номъ*, то есть круглымъ шестомъ, который
 «козаки били конопляное масло. Наконецъ
 «скажу о томъ, какъ я получилъ названіе
 «*Коржъ*. Съ молодыхъ лѣтъ я былъ очень и
 «рѣзвъ и проворенъ. Однажды идучи изъ
 «Новыхъ Койдѣкъ въ Сѣчь и проезжая мимо
 «высокой могилы, которую звали Чертомлы-
 «комъ (есть также и рѣчка Чертомлыкъ, мы
 «избѣжали на нее и, побѣгая изъсколькo ми-
 «нутъ, стали спускаться. Товарищи пошли
 «по утоптанной тропинкѣ, а я вздумалъ идти
 «прямо, но такъ какъ курганъ былъ очень
 «крутъ, а трава сухая, то я оступился, упалъ
 «и покотился внизъ, какъ кубарь или коржъ.
 «*Коржемъ, коржемъ звалися!* закричали ко-
 «заки, и съ того дня всѣ звали меня Ники-
 «та, по прозванію Коржъ. Мой крестный
 «отецъ, узнавъ объ этомъ, сказалъ мнѣ.—
 «*Нехай буде и Коржъ, бо и мене прозвали*
 «*Качдлакою за одну качдлу, зрѣбленную мною*
 «*въ Сѣчи. Що будешъ робити, коли тутъ*
 «*така поведенція? Терпи, хлопче, козакомъ*
 «*будешъ, а изъ козака попадешъ и въ ондла-*
 «*ни: съ послѣху люде бувають».*

(И. П. С. или П. К. З., стр. 130—132.)

Эти прозвища давались фамильными име-
 нами, и войско и писаря именovali тѣхъ,
 кому они даны были, только этими назва-
 ніями. Даже по увольненіи изъ войскового
 званія, Запорожцы сохраняли имена, данныя
 имъ товариствомъ.

38. Эта пѣсня показываетъ, какое мнѣніе
 имѣли Малороссяне о Запорожцахъ. Съ того
 времени, какъ Малороссія раздѣлена была
 между Россією и Польшею по Андрусовскому
 договору, Запорожцы составляли отдельное
 тѣло, неподвластное ни Польшѣ, ни Россіи,
 и хотя Сѣчь и зимовникъ Запорожскіе по-
 полнялись безпрестанно выходцами съ объ-
 ихъ сторонъ Днѣпра, однако жъ они уже не
 принимали никакого участія въ судьбѣ сво-
 ихъ метрополій; а воротясь изъ-подъ протек-
 ціи Турціи, куда они бѣжали послѣ полтав-
 ской битвы, Запорожцы еще больше стали
 чужды своимъ единоплеменникамъ, которые,
 хотя признавали ихъ достоинства воинствен-
 ныя, однакожъ считали ихъ скопищемъ раз-
 бойниковъ безъ вѣры и законовъ. То правда,
 что Запорожцы со временемъ соединенія Мало-
 россіи съ Россією, или даже можно сказать

со смерти Богдана Хмельницкаго, утратили тотъ высокій патриотизмъ, который спасъ Малороссію отъ Унии, и любовь къ свободѣ сосредоточили только въ кругу своего рыцарскаго братства; но обычаи предковъ и зра остались у нихъ ненарушими. Это лучше всего можно видѣть изъ рассказовъ Запорожца Коржа. «Между Запорожскими обычаями, говоритъ онъ, были и благочестивыя обряды, относящіеся до христіанскаго закона и добродѣтелей; ибо между козаками много было набожныхъ, страннолюбивыхъ и любящихъ благозвнѣ церковное, а особливо изъ престарѣлыхъ, кои ходили въ церковь почти ежедневно, украшали церковныя иконы, справляли богатые хоругви и кресты, обогачали различныя утвари и церковныя св. сосуды драгоценными каменьями и великолѣпными мануфактурами, такъ что во всей Россіи едвали гдѣ была ризница превосходяще сей запорожской ризницы, особенно на счетъ достатка церковнаго, т. е. денежной казны, по той причинѣ, что Запорожцы были холосты, имѣя многія тысячи денегъ и многочисленныя скотоводства по змивникамъ. На случай смерти козаки все таковое имущество отписываютъ, бывало, на церковь съчевою и на

«монастырь, который былъ въ той же Свчи, надъ самую рѣчку Подпольною.

«Въ монастырѣ этомъ всегда былъ настоятель и нѣсколько монаховъ, которые цѣлый годъ ежедневно отправляли всѣ положенныя церковныя службы. Кроме того настоятель въ Свчи постригалъ изъ Запорожцевъ въ монахи и опредѣлялъ, по произволу кошоваго и старшины, священниковъ въ церкви запорожскихъ паланокъ * и сель. «Это легко было сдѣлать въ Запорожьѣ, ибо тутъ всегда имѣлось много козаковъ не только изъ поповичей, проходившихъ въ своихъ мѣстахъ формальнымъ порядкомъ науки, но и изъ дѣтей панскаго поколѣнія, которые, равно какъ и первые, по преступленію или по молодечеству, оставали родину и скрывали въ Свчи свое имя и происхожденіе.

«Монастырь назывался еще и *городкомъ*, т. е. украшеніемъ, ибо противъ набѣговъ непріятельскихъ былъ укрѣпленъ высокими

* Паланка у Запорожцевъ значила и округъ, и округной городъ, и округной судъ, или управленіе. Слово турецкое, означающее небольшой городокъ, среднюю между городомъ и деревнею, а иногда также и небольшую крепость. Употребляется въ томъ же смыслѣ и у Сербовъ, но у нихъ замѣтъ чаще называется — *кула* (башня).

«валомъ и вооруженъ пушками, да сверхъ
 «того со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ рѣ-
 «кою Подпольною. Въ городкѣ жилъ кошо-
 «вый и многіе запорожскіе пань. Съ одной
 «только стороны былъ устроенъ въездъ чрезъ
 «огромную башню, гдѣ стояло много коза-
 «ковъ. Церква монастырскія и съчевая * бы-
 «ли деревянныя безъ ограды. При послѣдней
 «находилась большая и высокая колокольня
 «съ четырьмя окнами, въ которыхъ стояли
 «пушки, какъ для защиты противъ враговъ,
 «такъ и для стрѣльбы въ большія церковныя
 «торжества, особенно въ день Пасхи, Бого-
 «явленія, храмовый и другіе праздники.

«Во время водоосвященія (8 генваря) коза-
 «ки со всѣхъ съчовыхъ куреней и ближай-
 «шихъ паланокъ и зимовниковъ, конные и
 «пѣшіе, во всемъ вооруженіи, въ лучшихъ
 «своихъ платьяхъ, покуренно собирались во-
 «кругъ церквей, со своими знаменами, на
 «лошадяхъ, живо (ярко) и богато украшен-
 «ныхъ. Артиллерія козацкая была тутъ же.
 «Когда соберутся къ церкви, то такое вели-

* Съчевая Покровская церковь существуетъ еще и нынѣ въ селѣ Покровскомъ, въ Екатеринославской губерніи и уездѣ, близъ мѣстечка Нановола.

«кое множество народа бываетъ, что зани-
 «маетъ не только все пространство около
 «церкви, но и всю городскую обширную пло-
 «щадь. И стоитъ все войско, какъ конница,
 «такъ и пѣхота чинными и стройными ряда-
 «ми, безъ шапокъ, дотолъ, пока окончится
 «литургія. По окончаніи оной, настоятель,
 «какъ главное лице, выходитъ изъ церкви
 «съ крестомъ; за нимъ всѣ монахи и свя-
 «щенники попарно, съ иконами и свѣчами,
 «шли къ Днѣпру на *Jordaniъ*. Все запорож-
 «ское войско тихимъ шагомъ, покуренно, слѣ-
 «довало за ними и располагалось на берегу
 «рѣки. Когда настоятель погружалъ крестъ
 «въ воду, то всѣ пушки и всѣ вооруженные
 «оружьями козаки палили трижды. А по окон-
 «чаніи церемоніи еще палили долго, сколько
 «кому угодно, и тогда возвращались во свояси».

(И. П. С. или П. К. З., стр. 81—84.)

«Нельзя не упомянуть здѣсь нѣсколько
 словъ (говорить далѣе г. Скальковский) о
 трій страсти, которую Запорожцы имѣли къ
 церковному пѣнію. Она составляла у нихъ
 главное наслажденіе, ибо видни въ описа-
 ній судебныхъ обычаевъ Запорожья, что ко-
 гда (въ 1771) кошовый, находясь изъ Кодакъ,
 былъ приглашенъ въ гости къ священнику,
 то однимъ изъ лучшихъ угощеній считалось

то, что онъ и пѣснями былъ позабавленъ. Въ Сѣчи при церкви св. Покрова было даже особое училище для церковныхъ пѣвчихъ, управляемое начальникомъ кошоваго духовенства. Въ немъ, по сказанію очевидцевъ, считалось до 30 взрослыхъ пѣвчихъ изъ козаковъ и болѣе 50 школяровъ, имѣвшихъ свое особое куренное управленіе и особаго отамана. Туда поступали дѣти малороссійскихъ козаковъ, имѣвшіе родныхъ въ Сѣчи, или мальчики, захваченные, по обычаю, Запорожцами въ назадахъ на Польшу, Молдавію или даже Россію. Они имѣли исключительное право *колѣдовать*, поздравлять хлѣбомъ на новый годъ и Святлое воскресенье, звонить въ колокола по умершихъ или убитыхъ на сраженіи, продавать ладонъ и пр. и за то получать довольно большую плату. Но такъ какъ они воспитывались на военную ногу и даже получали оружіе, свинецъ и порохъ, то и могли дѣлаться настоящимъ товариствомъ».

(Тамъ же, стр. 84—85.)

30. Въ 1775 году, апр. 30, кошовый отаманъ Калнишевскій писалъ въ Кіевъ къ архимандриту Кіевопечерской Лавры Зосиму: «Мы имѣемъ желаніе, дабы въ сѣчовой Покрова

«Богоматери церкви были золотыя священническія сосуды таковыя, какія самой искусьнейшей работы есть въ Кіевопечерской Лаврѣ, и для того оныя по сему манеру сдѣлать вознамѣривались весьма; почему чрезъ господъ старшинъ войска Запорожскаго, тѣхъ которые нынѣ за жалоуаньемъ въ столицу отправляются на Кіевъ, и золото пришлется».

(Тамъ же, стр. 82.)

40. О сѣчовомъ монастырѣ и церкви см. подробности въ примѣчаніи 38.

41. Папы и вѣнецкіе императоры посылали Запорожцамъ знамена, оружіе и подарки, подъ предлогомъ «награды за защиту Христіанства отъ невѣрныхъ», а чаще для возмущенія козаковъ противъ Польши или Россіи.

42. *Кульшъ* значитъ—супъ съ крупами. Такой супъ называется иногда кашею (особенно у косарей и чумаковъ;) но густая каша и каша *розмазнѣ* никогда не называются кульшемъ. Также и супъ на молокѣ не имѣетъ права титуловаться симъ драгоценнымъ именемъ.

43. «Хотя на широкихъ и пустыхъ степяхъ не имѣлось ни единой стежки, ни «сазду, какъ на морь, однако помнугни «ватаги (Самуся и Палвя), добре знаючи про- «ходы, якобы по пзвѣстныхъ дорогахъ, зъ «великимъ опасеніемъ, дабы не было гдѣ отъ «Татарь изслѣдованія, зѣдали; не имѣя же «себѣ чрезъ одинъ и другой мѣсяць огня, «единожды въ сутки весьма скудной пищи «столокни и сухарей толченыхъ вкушали и, «конямъ ржати не допуская, будто дикн зѣтри «по теркамъ и камышамъ крылись и съ ве- «ликимъ обереженіемъ пути своя разно разъ- «ѣзжая тернами и паки сходилися. Познава- «ли же на тѣхъ стенахъ дикихъ путь свой «въ день по солнцу и крижахъ высокихъ «езимыхъ и по могилахъ, ночью же по звѣз- «дахъ и вѣтрахъ и рѣчкахъ. И тако Татарь «высмотрѣвши, нечаянно нападали и малымъ «людомъ великія ихъ купы разбивали».

(Изъ малороссійской лѣтописи.)

44. Земли, занимаемы теперь Харьковскою губерніею, были въ половинѣ XVII вѣка почти необитаемы. Кое-гдѣ только посреди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ стояли городища татарскія, а по берегамъ рѣ-

чекъ—пограничныя крѣпости московскія. Первое переселеніе Украинцевъ въ эти земли было при Михаилѣ Фодоровичѣ въ числѣ восьми тысячъ. Въ 1650—1651 году совершилось второе переселеніе Украинцевъ. Они заняли слободани зѣмли отъ вершины рѣки Суры по рѣкамъ—Вырѣ, Крыгѣ, Локиѣ, Пслу, Ворсклѣ, Мерлѣ, Удахѣ, Лопани, Харькову, Межѣ, Коломаку, Доцу, Осколу и пр. Въ послѣдующіе годы число ихъ умножилось, и въ 1660 году они образовали изъ себя три полка:—Сумскій, Ахтырскій и Харьковскій. Область Сумскаго полка занимала земли, принадлежащія нынѣ къ Сумскому и Лебединскому уѣздамъ Харьковской губерніи, кромѣ того—часть Ромненскаго уѣзда Полтавской и Суджанскаго Курской губерніи. Рѣка Псѣлъ была границею его отъ области Ахтырскаго полка, простиравшагося до рѣки Межи. За этою рѣкою начинался полкъ Харьковскій, занимавшій Харьковскій, Валковскій и Изюмскій уѣзды нынѣшней Харьковской губерніи.

45. *Старая или Украинская Липа* начата въ 1731 году. Она состояла изъ 18 крѣпостей, связанныхъ 140 редутами, и тянулась отъ впаденія въ Днѣпръ раки Орелн до крѣ-

пости и города Изюма, на пространства 38½ версть.

46. Разумается тотъ днѣпровскій Лугъ (то есть лѣсъ), который Запорожцы называли своимъ батькомъ. *Съчъ—мати, а Великій Лугъ—батько.*

47. Слова *отамане, товариство* значили у Запорожцевъ, что козакъ, прїѣхавшій въ зимовникъ, обращаетъ рѣчь къ отаману и товариству, составляющему тотъ зимовникъ. Запорожець Щерблина такъ неуклонно слѣдовалъ всѣмъ обычаямъ своего рыцарскаго ордена, что не измѣнилъ его техники при привѣтъ съ паномъ Бардакомъ, хотя тутъ и не было никакого товариства, ибо слугъ и на Запорожьѣ товариствомъ не считали.

48. Иному, можетъ-быть, покажется странно, какъ простой козакъ Середа, неотличившійся даже богатствомъ наряда, могъ быть посаженъ у пана Бардака за одинъ столъ съ Михайломъ Чарнышѣнкомъ, безъ осведомленія, что онъ за человекъ. А потому считало не лишнимъ напомнить старинное козацкое правило: *Кто только войдетъ съ саблею при боку и отдастъ честь хозяину, имѣетъ право*

садиться съ нимъ за столъ. Да иначе и быть не могло, ибо носить саблю имѣли право только козаки, а всѣ козаки считались шляхтичами.

(См. Лѣт. арх. Конискаго.)

49. И архіепископъ Конискій въ своей Исторіи Руссовъ, говоря о кошовомъ запорожскомъ Сѣркѣ, пишетъ: «Впрочемъ онъ былъ и *Запорожець*, сіе есть родъ шута или юрода».

50. Взято изъ письма войсковаго Запорожскаго писаря Дмитрія Ромашовскаго, писаннаго въ Кошъ въ 1755 году. (См. *Ист. Нов. Сѣчи или Послѣдн. Коша Запорожскаго*, А. Скальковскаго, стр. 233).

51. «Курени съчевые (говорить Запорожець Коржъ) не походили на обыкновенные «пастушьи шалаши, но дѣлались изъ рубленнаго и рѣзаннаго лѣсу, потому что Великій Лугъ имъ изобилывалъ. Курени были такъ обширны, что больше 600 козаковъ могло вмѣстаться въ каждомъ. Они строились безъ всякихъ перегородокъ и чулановъ и имѣли видъ залы. Вокругъ, подлѣ «станъ», до самихъ дверей стояли столы, а

«вокруг столовъ узкія скамьи. Первое мѣсто было подъ иконами, которыхъ въ Сѣчи было много, и очень дорогихъ. Передъ ними стояли богатые панцири и пантешивались лампы, которыя въ большіе праздники зажигались. Печи для приготовления хлѣба были устроены въ особомъ отдѣленіи, гдѣ помѣщался и кухарь, а въ курень бывали только грубы, большею частію изразцовыя. Когда наступало время обѣда, кухари ставили кушанье въ ваганахъ, и пр. «.....Вокругъ вагановъ ставили въ большихъ деревянныхъ конвахъ горѣлку, медъ, пиво и брагу, а на конвахъ вѣшали деревянные же коряки, которые поkozакки назывались михайлики, и исправляли должность рюмокъ. Когда всѣ козаки соберутся въ курень, тогда отаманъ, помолвившись, садится подъ образами, а всѣ козаки безъ различія вокругъ столовъ. После обѣда козаки помолвившись кланялись отаману, потомъ другъ другу и наконецъ кухарю, приговаривая: «Сла. ібы, братчику, що нагородивъ козакбѣзъ. Наконецъ отаманъ и всѣ козаки кланялись по копытѣ въ карнавку и расходились по своимъ угламъ. Изъ этой карнавочной сумы поварь покупалъ на базарѣ нужные принадлежности для стола. Въ Сѣчи трапезы приго-

«товлялись три раза въ день, всегда одинаково; заготавливали ихъ не въ горшкахъ, но въ мѣдныхъ казанахъ, на кабицъ (на очагѣ), а не въ печахъ».

(Ж. М. Н. П. 1839, № 2.)

52. *Чеберічка*—старинный малороссійскій танецъ, въ которомъ, между прочимъ, каждый изъ танцующихъ поочередно, залажа назадъ руки, выпиваетъ серебряную чарку, поднимая ее съ полу губами, и, осушивъ до дна, перекидываетъ черезъ себя движениемъ головы, при дружномъ пѣтьѣ и рукоплесканіи танцующаго вокругъ него кружка. Иногда, когда уже слишкомъ развеселятся, раскладываютъ посреди комнаты огонь и скачутъ черезъ него поочередно вовремя круговаго танца. Я едва помню нѣсколько стиховъ изъ пѣсень, какія поютъ при этомъ случаѣ. Если не ошибаюсь, вотъ начало одной изъ нихъ:

Чеберічки!
Коло чеберічки,
Припадешъ річки.
Абб ёбъ выпьемъ,
Абб ёбъ выпьемъ,—
Чеберічки!

53. Хотя собственно Коллегія Малорос-

сійская при гетманѣ Разумовскомъ, въ 1755 году, была закрыта, но по привычкѣ обыкновенно называли Коллегією ея зданіе, въ которомъ помѣщались разные департаменты народнаго правленія.

54. Пушки въ Украинѣ были какъ-бы знакомъ баронскаго достоинства у пановъ украинскихъ. Въ первый время заселенія пустыхъ украинскихъ степей жители ронились около владѣльцевъ, имѣвшихъ пушки, и поддавались имъ на разнаго рода условіяхъ, подобно горнымъ шотландцамъ, которые искали протекціи у сильнѣйшихъ шефовъ клановъ, и за то обязаны были платить имъ ежегодно извѣстную сумму денегъ и исполнять нѣкоторыя повинности, а шефъ защищалъ ихъ отъ ихъ враговъ и разбойниковъ. И какъ шефы шотландскихъ клановъ, такъ точно и наши *осадчіе* (т. е. осадившіе или населившіе людьми слободу) поступали иногда со своими подданными, какъ полные деспоты.

55. Если кого-нибудь выпроводятъ въ дорогу, то собравшіеся по этому случаю гости обыкновенно, по вызвѣдъ путешественника, преусердно заводятъ попойку подъ титуломъ

гладить дорогу уѣхавшему. Этотъ же обычай употребляется и во время косовицы. Выпровадятъ косарей въ поле, хозяйка собираетъ своихъ съядокъ и, подъ напѣвъ веселыхъ и грустныхъ (это въ Малороссіи неразлучно) пѣсень, принимается съ ними *гладить косы* косарямъ.

56. Кто не выпьетъ чарки до дна съ разу, тому хозяинъ имѣетъ полное право долить снова. Для этого на *парочитыхъ* пирахъ у пановъ нашихъ сзади стояли слуги съ бутылками въ рукахъ, и какъ только который гость не осушитъ до дна рюмки, они тотчасъ доливали. Если гость во избежаніе этой опасности будетъ держать недопитую рюмку подъ столомъ, и тамъ не минуетъ его та же участь, ибо для этого подъ столомъ сидитъ мальчикъ съ бутылкою, который тотчасъ доливать просунутую къ нему рюмку.

57. Бюшингъ говоритъ, что Разумовскій по увольненіи отъ гетманства получалъ, вместо обѣщанныхъ ста, только 50,000 рублей (серебряныхъ), что не составляло и четверти всѣхъ доходовъ, какіе онъ потерялъ съ титуломъ гетмана.

(Büsching, *Geogr.* t. II, p. 236.)

58. Въ указѣ Императрицы Елисаветы, данномъ сенату 19 октября 1750 года, сказано: «повелѣли Мы Съчсвому Запорожскому Войску съ ихъ Атаманомъ и Кошевыми, такожде съ ихъ принадлежностями, быть въ вѣдомствѣ у Нашего Малороссійскаго Гетмана, какъ то и въ прежнія времена, до 1708 года, было». Но чтобы узнать, какъ было въ прежнія времена, не читайте официальныхъ бумагъ, написанныхъ по установленной формѣ: изъ нихъ вы ничего не узнаете. Берите источники болѣе частные и личные; тамъ явится вамъ истина безъ политическаго покровя. Вотъ напримеръ, страница изъ Лѣтописи архіепископа Конискаго: «Однажды писалъ къ нему (кошовому отаману Съркѣ) гетманъ Самуйловичъ, выговаривая, для чего на запорожскихъ степяхъ кочуютъ свободно извоторы аулы татарскіе. Онъ (Съркѣ), ему на сіе отвѣчая, что то дѣлается по снисхожденію войска, отъ причинъ недорода у Татаръ травъ, и что въ такомъ случаѣ и они иногда отъ нихъ равновѣрнымъ снисхожденіемъ пользуются, заключилъ наконецъ тѣмъ: *Когда бы и чортъ, пане гетмане, помогалъ людямъ въ крайней ихъ нуждѣ, то брезговати тѣмъ не годилися, бо, кажуть люди, нужда и за-*

*копѣ змѣняе. А когда мы, живя съ Татарами по сосѣдски, помогасмъ одинъ другому, то сіе умному шмало не удивительно; а по намъ только дивно, що ты, пане гетмане, багато коло насъ зирхируешъ, мовъ той по-кобиний батоникъ на хавтурнѣхъ зъ паразвѣнами у Згышкѣвъ, чого и самъ упрійме (усердно) желасмъ». Вотъ какъ было въ прежнія времена, до 1708 года. А загляните въ официальные бумаги—совсѣмъ другія отношенія. Съ этой точки зрѣнія должно смотрѣть на подчиненность Запорожской Сѣчи гетману во все времена. Запорожцы питали наследственное уваженіе къ титулу гетмана, отдавали ему должный почетъ, но слушались его только по охотѣ. И г. Скальковскій въ своей *Исторіи Новой Сѣчи, или Послѣдняго Кѣша Запорожскаго*, говоритъ: «Съ 1750 года титулъ гетмана обоихъ береговъ Днѣпра и войска Запорожскихъ сдѣлался болѣе дѣйствительнымъ, но только номинально, ибо хотя все распоряженія правительства приходили (въ Сѣчѣ) чрезъ универсали Разумовскаго, но Запорожцы мало ихъ слушали». Потому-то историкъ, руководствующійся преимущественно официальными бумагами и мало обращающій вниманіемъ на другія источники, можетъ представить больше ходъ дѣлъ,*

чѣмъ дѣйствительную исторію народа, какъ это и сдѣлалъ Бантышъ-Каменскій въ своей *Исторіи Малой Россіи*.

59. См. Указъ 1763 года декабря 10 дня.

60. Полкъ принимается здѣсь въ значеніи округа, *повѣта*.

61. Воображеніе малороссійскихъ простолюдиновъ олицетворяетъ не только разные болѣзни, но и праздники и дни, въ которые почитаютъ за грѣхъ работать. Такъ, напримеръ, рассказываютъ, что оспа, лихорадка и проч. ходятъ по хатамъ въ видѣ женщинъ. Въ предохраненіе дѣтей отъ оспы иногда оставляютъ на столѣ стаканчикъ меду, въ увѣренности, что когда оспа зайдетъ въ ихъ хату, то покушаетъ медку и оставитъ дѣтей въ покоѣ. Такимъ образомъ является, по словамъ ихъ, Недѣля (воскресенье) или Пятница въ видѣ двѣи красоты чудесной и говоритъ бабамъ, если застанетъ ихъ прядущими или полюющими, что онѣ прядутъ не ленъ и полюютъ не траву, а ея волосы; а молотящимъ или рубящимъ въ воскресенье мужикамъ показывать свое бѣлое тѣло, покрытое синими полосами и ранами, и гово-

рить, что они молотятъ и рубятъ ее тѣло, и тому подобно.

62. Сотникъ Чарнышъ имѣлъ сильныя причины говорить такъ горько о Полякахъ. Чтобы согласиться съ нимъ, стоить только прочесть нѣсколько страницъ изъ Лѣтописи архіепископа Конискаго. Напримѣръ: «По истребленіи гетмана Наливайка такимъ несчастливымъ варварствомъ (онъ былъ замученъ въ мѣдномъ быкъ, разжигаемомъ медленными огнемъ), вышешъ отъ сейму, или отъ вельможъ, имъ управлявшихъ, таковъ же варварскій приговоръ и на весь народъ Русскій (т. е. Малороссійскій). Въ немъ онъ объявленъ отступнымъ, вѣроломнымъ и бунтливымъ и осужденъ въ рабство, преслѣдованіе и всеобщее гоненіе. Слѣдствіемъ сего черновскаго приговора было отлученіе навсегда депутатовъ русскихъ отъ сейму національнаго и всего рыцарства (т. е. козаковъ) отъ выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ, отборъ старостъ и дѣревень у урядниковъ русскихъ и самихъ ихъ уничтоженіе. Рыцарство русское названо *слабами*, а народъ, отвергавшій Унію, *схизматиками*. Во всѣ правительственные и судебныя уряды малороссійскіе посланы Поляки съ

12.

«многочисленными штатами, города заняты
«польскими гарнизонами, а другія селенія
«нихъ же войсками. Имъ дана власть все то
«дѣлать народу Русскому, что сами хотятъ и
«придумаютъ. А они исполняли наказъ сей
«съ лихою, и что только взмыслить можетъ
«своевольное, надменное и пьяное челове-
«ство, дѣлали то надъ несчастнымъ народомъ
«Русскимъ безъ угрызенія совѣсти. Граби-
«тельство, насилуваніе женщинъ и самихъ дѣ-
«тей, побой, мучительства и убійства пре-
«взошли мѣру самихъ непросвященныхъ вар-
«варовъ. Они, почитая и называя народъ не-
«вольниками или асыромъ польскимъ, все его
«дѣлѣніе почитали своимъ. Собравшихся же
«вмѣстѣ нѣсколько человекъ для обыкновен-
«ныхъ хозяйскихъ работъ или празднествъ,
«тотчасъ съ побоями разгоняли и о разгово-
«рахъ ихъ пытками истязывали, запрещая
«навсегда собираться и разговаривать вмѣстѣ.
«Церкви русскія силою и гвалтомъ обраща-
«ли на Унію. Духовенство римское, разъя-
«жавшее съ триумфомъ по Малороссіи для
«надсмотря и поущенія къ уніатству, во-
«звимо было отъ церкви до церкви людьми,
«запряженными въ нихъ длинными повозки по
«двѣнадцати человекъ и болѣе въ цугъ. На
«вприслуги сему духовенству выбираемы бы-

«ли Поляками самыя красивѣйшія изъ дѣ-
«вицъ русскихъ. Церкви несогласовавшихся
«на Унію прихожанъ отдали жидамъ въ
«аренду, и положена въ нихъ за всякую от-
«праву *rata* отъ одного до пяти талеровъ, а
«за крещеніе младенцевъ и похоронъ мер-
«твыхъ отъ одного до четырехъ тынфовъ
(тынфъ равнялся въ Польшѣ одному золотому
и восьми грошамъ). Жиды, яко непримир-
«имые враги христіанства, сіи вселенскіе по-
«бродяги и притчи въ человечествѣ, съ вос-
«хищеніемъ принялись за такъ надежное для
«нихъ скверноприбыточество и тотчасъ ключи
«церковные и верѣвки колокольныя отобрали
«къ себѣ въ хорчмы. При всякой требѣ хри-
«стіанской повинны ктитору идти къ жи-
«дѣ торговаться съ нимъ и, по важности отпра-
«вы, платитъ за нее и выпроситъ ключи; а
«жидѣ, притомъ насмѣявшись довольно бого-
«служенію христіанскому и перехуляши все
«христіанамъ чтимое, называя его языческимъ
«или по ихъ *гойскимъ*, приказывалъ ктитору
«возвращать ему ключи съ клятвою, что ни-
«чего въ запасъ не отправлено».

Когда гетманъ Острианица разбилъ Поля-
ковъ на голову, при рѣкѣ Старицѣ, корон-
ный гетманъ Лицкоронскій съ остаткомъ
своего войска спасся бѣгствомъ и заперся въ

мѣстечкѣ Полононѣ, ожидая помощи изъ Польши. Но когда гетманъ Остряница приближился къ Полононому и готовъ былъ взять его приступомъ, гетманъ Лицкоронскій «выслалъ противъ козаковъ навстрѣчу церковную процессію съ крестами, хоругвями и духовенствомъ русскимъ, кои, предлагая миръ отъ гетмана и отъ всея Польши, молчали и заклинали Богомъ гетмана Остряницу и его войска, чтобы они преклонились на мирныя предложенія. По долгомъ совѣщаніи и учиненныхъ съ обомъ сторонъ «клятвахъ, собрались въ церковь высланные отъ обомъ гетмановъ чиновники и, написавши тутъ трактатъ вѣчнаго мира и полной амнистїи, предающей забвенію все прошедшее, подписали его съ присягою на Евангелїи о вѣчномъ храненіи написанныхъ артикуловъ и всѣхъ правъ и привилегій козацкихъ и общенародныхъ. За симъ разошлись войска восвоеси».

Гетманъ Остряница, распустивъ свои войска, отправился самъ съ генеральною старшиною и многими полковниками и войсковыми старшинами въ Каневскій монастырь для принесенія Богу благодарственнаго молебствїя. А Поляки, въ противность недавней своей присягѣ, послали тайно въ Каневъ

отрядъ своего войска, который схватилъ гетмана съ его свитою, всего тридцать-семь человекъ, и отвезъ окованныхъ въ Варшаву, гдѣ они преданы были самой лютой казни. «Казнь она (говорить архїепископъ Коніскій) еще была первая въ мірѣ въ своемъ родѣ и неслыханная въ человечествѣ по лютости своей и варварству, и потомство едва ли повѣритъ сему событію, ибо никакому дикому и самому свирѣпому Японцу не придетъ въ голову ея изобрѣтеніе, а произведеніе въ дѣйство устрасило бы самыхъ звѣрей и чудовищъ». (Я пропускаю подробное описаніе этой ужасной картины и ограничусь только нѣсколькими окончательными фразами.) «Жены и дѣти страдальцевъ «онныхъ, увидя первоначальную казнь, наполнили воздухъ воплями своими и рыданиями, но скоро замолкли. Женамъ симъ, по невѣроятному тогдашнему звѣрству, обрѣзавши груди, перерубили ихъ до одной, а сосцами ихъ били мужей, въ живыхъ еще бывшихъ, по лицамъ ихъ. Оставшихся по матерямъ дѣтей, ползавшихъ и бродившихъ около ихъ труповъ, пережгли всѣхъ въ виду ихъ отцевъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ, подъ кои подкладываны были уголья и раздуваны шапками и метелками».

«Главные члены человеческіе, отрубленные
 «у замученныхъ чиновниковъ малороссій-
 «скихъ, какъ-то головы, руки и ноги раз-
 «везены по всей Малороссіи и развѣшены на
 «сваяхъ по городамъ. Развѣзавшія притомъ
 «войска польскія, наполнившія всю Малорос-
 «сію, дѣлали все то надъ Малороссіянами,
 «что только хотѣли и придумать могли. Всякъ
 «родовъ безчестія, насилія, грабежи и ти-
 «ранства превосходятъ всякое поштіе и опи-
 «саніе. Они между прочимъ нѣсколько разъ
 «повторили произведенныя въ Варшавѣ лю-
 «тости надъ несчастными Малороссіянами и
 «нѣсколько разъ варили въ котлахъ и сожи-
 «гали на угольяхъ дѣтей ихъ въ виду родите-
 «лей, предавая самихъ отцовъ лютейшимъ
 «казнямъ», и пр., и пр.

Конецъ второй части.

О П Е Ч А Т К И.

Стран.	Стр.	Напечатано:	Должно быть:
21	2	страшнаго	страшнаго
118	20	его спокойно	его было спокойно
120	9	спернающемъ	спернающимъ
—	19	перилы	перилы
180	11	шесамъ	шесель
185	23	универсамъ	универсалы

Acme
Bookbinding Co., Inc.
100 Cambridge St.
Charlestown, MA 02129

Widener Library

3 2044 083 318 238